

Губернский детективъ

ЛЕВ БРУСИЛОВ

A detailed illustration of a man in a light brown trench coat, a white shirt, a red tie, and a straw boater hat. He is walking towards the viewer, with his right hand touching the brim of his hat. In the background, there is a city street scene with several women in long, colorful dresses (green, red, brown) and hats. A horse-drawn carriage is visible in the distance. The architecture includes a large building with a dome, possibly a cathedral or government building.

Происшествіе
въ городе Т.

Губернский детектив. Расследования барона фон Шпинне

Лев Брусилов

Происшествие в городе Т

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Брусилов Л.

Происшествие в городе Т / Л. Брусилов — «Эксмо»,
2024 — (Губернский детектив. Расследования барона фон
Шпинне)

ISBN 978-5-04-200030-0

На губернатора Татаяра совершено покушение в его собственной карете. Орудие преступления вызывает у полиции лишь улыбку, ведь это – обычная серебряная ложка, и нападавший просто душевнобольной. Но вскоре начальник сыскной полиции барон фон Шпинне начинает понимать, что губернатору грозит серьезная опасность.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200030-0

© Брусилов Л., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	36
Глава 12	40
Глава 13	42
Глава 14	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Лев Брусилов

Происшествие в городе Т

© Epifantsev / Shutterstock.com и элементы дизайна: Vasya Kobelev / Shutterstock.com;

© DELstudio / Shutterstock.com

© Брусилов Л., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Губернский детективъ
ЛЕВ
БРУСИЛОВ

Происшествіе
в городе Т.

МОСКВА
2024

Глава 1

Нападение

Поздним слякотным вечером начала мая 1889 года татаярский губернатор граф Иван Аркадьевич Можайский возвращался домой из Английского клуба.

Граф только что проиграл в карты председателю казенной палаты Хохрякову сто рублей. Никогда раньше Иван Аркадьевич не проигрывал, даже в молодости, служа в полку. Среди господ офицеров тогда слух ходил, будто бы знает поручик Можайский слово заветное, карточное, и благодаря ему выигрывает. Еще говорили, что корнет Серпухов предлагал за слово это свое подмосковное имение. Граф отказал, со смехом заявив, что никакого слова не знает. Выигрывает, потому что удачлив, а вот удачу свою ни на что не обменяет... Но все это – опять же по слухам...

А вот теперь проигрыш! Настроение его превосходительства было скверным. Тому способствовала еще и рюмка анисовой, которую граф выпил, уступив настоятельным просьбам Хохрякова. Результатом была сильная изжога – наказание за уступчивость. Но если говорить начистоту, у графа были куда более веские причины для дурного настроения.

Несколько дней назад он узнал, что его жена Елена Павловна (Иван Аркадьевич вторым браком был женат на вдове помещика Вайского) увлечена князем Богомиловым – губернским предводителем дворянства. Более того, граф подозревал, что это не просто увлечение, а связь! У него не было доказательств, говорящих в пользу этой связи, однако он не смог удержаться и сегодня утром позволил себе довольно прямой разговор с женой. Задал ей несколько достаточно унижительных вопросов, после которых Елена Павловна вспыхнула, точно пересушенный порох: с шумом, дымом и пламенем.

– Да как вы смеете говорить мне подобные вещи! Как смеете меня подозревать, или я давала вам ну хоть малейший повод усомниться в моей верности? – выкрикивала она и, заламывая руки, стремительно ходила по спальне. С каждым мгновением голос ее становился громче, а жестикуляция яростнее – казалось, еще чуть-чуть, и у Елены Павловны начнется истерика.

Они состояли в браке уже два с половиной года, но губернатор впервые видел графиню в таком возбужденном состоянии. Первая жена, с которой он прожил без малого тридцать лет, была тихоней: мужу не перечила, свое мнение, даже если и имела, никогда не высказывала. Сегодня, в первый раз после ее смерти, граф вспомнил покойную добрым словом: «Замечательная была женщина».

Иван Аркадьевич, уже жалея о том, что начал этот разговор, попытался успокоить Елену Павловну, обнять, как-то утешить, но она с такой невероятной силой, с такой ненавистью оттолкнула его, что он, потеряв равновесие, упал навзничь. Будучи затянутым в корсет, граф не мог, сколько ни старался, тотчас же подняться. Глядя, как он тужится и беспомощно дрыгает ногами, точь-в-точь перевернутый на спину майский жук, Елена Павловна зло рассмеялась.

– А впрочем... – Она наклонилась над мужем, кровь прилила к лицу; красота, которой она славилась на всю губернию, исчезла; голубая жилка вздулась на лбу и начала пульсировать. – Можете думать все, что вам заблагорассудится, все, что только придет в ваш заплесневелый мозг! Я не стану оправдываться... Богомилов мой любовник! А что? Это даже забавно. И заметьте, мой любовник не какой-нибудь граф, а князь! Это должно ударить вас еще сильнее! Теперь же уходите, я хочу побыть одна.

Нельзя передать словами, какое унижение, какую бессильную злобу испытал Иван Аркадьевич, лежа на полу у ног жены, которую еще мгновение назад обвинял в измене. В таком положении выслушивать в свой адрес дерзости, граничащие с оскорблением, – это ужасно.

К тому же нельзя не упомянуть о том, что он был в мундире и при орденах. А тут еще, очевидно привлеченная шумом, горничная заглянула в спальню...

Все эти неприятные события и привели его превосходительство в Английский клуб, где он за ломберным столом намеревался отвлечься от угнетающей действительности. Карты всегда помогали, стоило только сесть за стол, взять в руки пахнущую свежей типографской краской колоду, перетасовать, услышать этот ни с чем не сравнимый шелест, все заботы и проблемы уходили, растворялись, оставалась только игра. Но в этот раз подобного, увы, не произошло. В течение трех сыгранных партий утренние сцены так и стояли перед глазами графа, заставляя совершать непростительные для опытного игрока ошибки. В итоге, как мы помним, сторублевый проигрыш, и кому – председателю казенной палаты, который и играть-то по-настоящему не умеет, карты слюнявит и вообще человек неприятный. Выигрывать надобно с достоинством, лица не терять, а у него все шутки да прибаутки. «Глазам своим не верю, у меня бреллан-каре, у меня снова бреллан-каре!» – в продолжение всей игры приговаривал председатель казенной палаты.

Однако надо заметить, что проигрыш расценивался его превосходительством не столько как потеря денег, деньги что – пустяк. Расстраивало другое: судя по всему, удача отвернулась от него.

Теперь граф возвращался домой. Сидя в экипаже, комкая бархатную подушку и безвольно отдаваясь дорожным толчкам, он лелеял одну мысль, навеянную сыростью и мраком. Отыскать доказательства связи Елены Павловны с князем Богомиловым (каков подлец!), а еще лучше – поймать с поличным.

– Поймать с поличным... – проговорил он со стоном, и от этих слов графу, вопреки всему, сделалось приятно. Припомнилась так обожаемая в молодости псовая охота: храп лошадей, повизгивание гончих (особое повизгивание, указывающее на то, что зверь где-то рядом), крики выжлятников, терпкий пьянящий запах осенней лесостепи. По коже прокатились шарики легкого возбуждения. – О-о-о, это было бы превосходно!

Уличные фонари сквозь незадернутые окна кареты высвечивали Ивана Аркадьевича мутным желтым светом. Благостное выражение лица, вызванное мечтами о поимке с поличным, вдруг изменилось – досада искривила губы, и это не могли скрыть даже пышные николаевские усы. Пришло понимание, что он поторопился. Разговор с женой нужно было отложить на потом. Вначале все хорошенько проверить и разузнать, если нужно, то и проследить, а уж затем...

Да, поторопился и сам раскрыл все карты. Теперь, если она даже и виновна, уличить ее будет весьма и весьма трудно...

А что, собственно, послужило причиной, подтолкнувшей его превосходительство к подозрениям и к этому не вполне обдуманному шагу – разговору с женой?

Анонимное письмо!

Оно было написано аккуратным почерком, ни исправлений, ни помарок. Это могло означать, что человек, его написавший, руководствовался не внезапным эмоциональным порывом, а все хорошо и трезво продумал. Вначале составил черновик, а уж затем не торопясь переписал начисто. Оно содержало в себе не прямые указания на измену, а всего лишь полунамек. По всей видимости, писавший хорошо знал губернатора: характер, привычки, слабости; знал, каким способом можно вывести его превосходительство из себя. И, надо заметить, не ошибся. Губернатор после прочтения был взбешен. Поначалу даже не тем, что жена, возможно, изменяет ему, а тем, что кто-то, потеряв всякий страх, осмеливается об этом писать. Выйдя из себя, граф изорвал письмо в клочья. Выбросил. И только спустя время до него дошел истинный смысл написанного. Конечно же, граф пожалел о том, что уничтожил письмо.

Карета подъехала к графскому дому и остановилась.

Губернаторский охранник унтер-офицер Щеколдаев неуклюже прыгнул с козел, где сидел бок о бок с кучером. Если рослого унтер-офицера несколько лет назад можно было назвать хорошо сложенным, то теперь язык не поворачивался это сделать. Сытая пригубернаторская жизнь сделала его тучным: в два раза увеличился живот, на боках, словно торбы, выросли жировые горбы, голова приросла к плечам. Щеколдаев имел круглое упитанное лицо и темные волосы, брови ленточками и маленькие осторожные глазки, под некрупным носом росли редкие азиатские усы.

Губернатор не спеша выбрался на вольный воздух. Хмуро осмотрелся, а затем медленно поднял глаза к третьему этажу дома, там располагались апартаменты жены. Светились три крайних окна. За плотно закрытыми шторами двигались две совершенно одинаковые тени: Елены Павловны и, очевидно, прислуги. Вспомнив горничную, граф скривился, точно откусил кислого. Сегодня утром вышло нехорошо, ну да ладно. Рядом стоял унтер-офицер и терпеливо ожидал дальнейших распоряжений. Губернатор попросил унтера достать из экипажа свою трость. Щеколдаев нырнул в карету.

А в этот самый момент с противоположной стороны улицы от дома фабриканта Бахичева в направлении губернаторского экипажа, никем не замеченный, двинулся человек. Длинный, до пят, плащ, широкополая, надвинутая на самые глаза, популярнейшая в те годы шляпа канабрийского разбойника и, что самое замечательное, совершенно бесшумная поступь подталкивали к мысли, что это фантом. Дурное освещение и сырая погода усиливали впечатление. Но все же это был человек. Он обошел экипаж сзади, его тень упала на лакированную, всю в капельках дождя, стенку кареты. Выйдя на тротуар, незнакомец ступил несколько шагов и остановился в трех саженях от его превосходительства, который ожидал, когда отыщут трость.

Какое-то время человек стоял молча, потом окликнул губернатора. Тот в тяжелой задумчивости повернулся.

– Вы граф Можайский? – спросил незнакомец нарочито грубым голосом.

– Да, это я! – ответил Иван Аркадьевич и через секунду добавил: – Но что вам угодно, сударь?

Незнакомец не ответил. Вместо этого выкрикнул очень странную фразу:

– Уступи место, самозванец!

Пребывая в замешательстве, граф не успел что-либо возразить. Незнакомец бросился на него. Мокро хлопнув, полы плаща разлетелись в стороны, а в правой руке что-то блеснуло.

«Нож!» – с ужасом подумал граф.

Незнакомец уже рядом, адским пламенем горят глаза. Иван Аркадьевич не хочет, да нет, он просто не в силах смотреть на блестящий предмет в руке нападавшего. Клокотанье вместо крика, тупая боль в левом подреберье, его превосходительство, держась за живот, заваливается на бок. Помутневшим взором видит, как, подобрав полы плаща, убегает незнакомец, как толстозадый кучер пытается его схватить. А где же верный охранник Щеколдаев? Унтер, словно раненый зверь, бьется в судорогах возле экипажа.

«Неужели и его...» – теряя сознание, успевает подумать губернатор.

Глава 2

Губернатор приходит в себя

Что-то больно и едко ударило Ивана Аркадьевича в ноздри, он охнул и поднял веки. Рука в белоснежной, скрепленной коралловой запонкой манжете держала склянку с нюхательной солью под самым его носом. Вяло отведя ее в сторону и глядя слезящимися глазами на два расплывчатых лица, граф с ужасом в голосе проговорил:

– Вы кто?

Одно лицо приблизилось почти вплотную:

– Не признали, Иван Аркадьевич, Фирс я, – раздался услужливый голос губернаторского камердинера. – А это доктор! Были еще из полиции. Порыскали тут, посовали везде носы свои, спросили, что нужно, и ушли. Потом, сказали, придут. Полицмейстер тоже приходил, но я его не пустил. Напугал ты нас, батюшка, ох как напугал. Думали все, убили тебя враги, а оно, вишь, счастье-то какое, обошла беда, слава тебе господи... – И захохотал, запричитал графский челядинец.

Чтобы не утомлять читателя старческими всхлипами преданного слуги, вкратце расскажем, как развивались события.

Прежде всего, что же случилось со Щеколдаевым, почему он не смог прийти на помощь его превосходительству? А лишь до хрипоты орал: «Держи его, хватай его!» Все очень просто: выбравшись из кареты и видя, какая опасность грозит губернатору, унтер бросился на помощь, но вот незадача – ступенька подломилась, и нога застряла в откидной лесенке экипажа, как в капкане. И это счастье, что лошади не понесли, испугавшись того, как Щеколдаев, пытаясь освободиться, орет и раскачивает карету.

Кучер, следуя призыву унтер-офицера, с грехом пополам спустился с козел, отважно кинулся ловить нападавшего, но мешали ливрея и «ватная задница». Злодей, к тому времени свалившийся с ног губернатора, был вертляв как черт, нырнул под растопыренными руками кучера и был таков!

– Мать-перемать! – Ругаясь самыми последними словами, Щеколдаев метнул в злодея губернаторскую трость, не думая о дорогом литого серебра набалдашнике. В нападавшего не попал, зато угодил кучеру в шею. Тот упал и тоже принялся материться. На шум выбежала прислуга.

Ивана Аркадьевича дворецкий вместе с камердинером Фирсом внесли в дом. Один раз роняли, потом бегали по комнатам – куда положить бездыханное тело, везде все дорого, везде пачкать жалко, и если бы не Елена Павловна, скомандовавшая: «Несите в кабинет, там кожаный диван!» – так бы, наверное, и держали в руках до приезда доктора.

* * *

Доктор Викентьев прибыл спустя четверть часа. Осмотрел графа, нашел его целым и невредимым, за исключением небольшой припухлости в области левого подреберья, несмотря на горячие заверения кучера и к тому времени уже вырвавшегося из каретной западни Щеколдаева, что губернатора ударили ножом. Во время осмотра, и об этом необходимо упомянуть особо, доктор увидел, что в левой руке его превосходительства зажат нелепый применительно к ситуации предмет, а именно – ложка! Да-да, обычная ложка из серебра, только согнутая. Пока губернатор пребывал в бессознательном состоянии, доктор так и не смог, сколь ни старался, разжать графу пальцы, чтобы освободить эту ложку. Вот и лежал Иван Аркадьевич на диване, точно умерший от переедания обжора, прижимая к сердцу самое дорогое.

Новость о нападении на губернатора разлетелась по Татаяру со скоростью кавалерийской атаки. Но почему-то так получилось, что в сторону Патаевской полицейской части, в которую входила улица Изрядная, скорость этой атаки была чуть меньше, чем в остальные стороны. И поэтому к приезду полиции возле губернаторской резиденции случилось истинное столпотворение от собравшихся там экипажей, пролеток и просто пешеходов. Произошел даже инцидент. Экипаж председателя казенной палаты Хохрякова, который тотчас же после известия о нападении бросил игру и примчался на место происшествия, сцепился осями с другим экипажем. Между кучерами вспыхнула потасовка, и кто знает, чем бы это все закончилось, может быть, крупным сражением извозчиков, но вмешались вскоре прибывшие жандармы, и все разрешилось лучшим образом. Надавали обоим по загривкам, затем загнали на козлы, после чего расцепили оси и велели ехать по домам.

– Как же так! – возмущался, приоткрыв дверцу кареты, Хохряков. – Я друг его превосходительства и хочу знать о его самочувствии!

– Все хотят, потому и понаехали, не разминуться! – отвечал ему пристав Патаевской части. – И вы бы тоже, господин председатель, ехали. Завтра уж и спросите, а сегодня никак, доктор запретил к нему входить. Самому полицмейстеру отказано. И мы вот тоже должны следственные мероприятия провести, а не можем из-за экипажей. Вы уж езжайте, езжайте, завтра узнаете!

– Так он жив или нет?

– Жив!

– Это точно?

– Стану я вам врать при исполнении!

Еще целый час полиция кого уговорами, а кого и принуждением заставляла разъехаться и разойтись по домам.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что граф Можайский был в Татаяре личностью крайне популярной и безмерно любимой, однако это не так. К Ивану Аркадьевичу относились ровно, а что съехались после нападения к дому даже быстрее полиции, так это были в массе своей чиновники, зависимые от его превосходительства.

Когда перед домом губернатора остались только пролетка доктора Викентьева и несколько полицейских таратаек, стражи закона, наконец, приступили к осмотру места происшествия. Правда, он ничего не дал. Следы, которые, возможно, и остались после нападения, были безвозвратно потеряны. Пристав Самсонов в сопровождении двух квартальных сунулся было в дом, но дорогу ему перегородил дворецкий.

– Пущать не велено! – Он выпучил глаза и, судя по всему, был готов даже на то, чтобы оказать представителям власти сопротивление.

– Да ты понимаешь, голова садовая, с кем говоришь... – начал пристав.

– Понимает! – Рядом с дворецким возник Фирс. При его появлении Самсонов попятился. У губернаторского камердинера была слава бойкого старичка, от которого можно ожидать чего угодно. – Он все понимает, а ты иди себе, в доме тебе делать нечего, понадобишься, позовут!

И хотя Фирс был небольшого звания, пристав понимал, что это ровным счетом ничего не значило. Фирс – один из немногих, кто говорил с губернатором запросто, а это дорогого стоило. Однако просто так вот повернуться и уйти полицейский начальник не мог, гордость не позволяла, да и перед стоящими рядом квартальными марку нужно было держать, и поэтому он заявил:

– Мы должны провести следственные мероприятия, опросить свидетелей...

– А тут никаких свидетелей нету! – парировал Фирс.

– Мне нужен кучер и унтер-офицер Щеколдаев.

– Так вот и иди в лакейский домик, они тама. – При этом камердинер переступил порог и показал, куда нужно идти.

– Хорошо! – кивнул Самсонов. Приличия были соблюдены, и теперь он мог, не упав в глазах подчиненных, идти в лакейский домик составлять протокол.

На следующий день об этом странном нападении написали губернские газеты.

Всегда пафосный, когда дело касалось исполнительной власти, «Глагол» сообщал: «Вчера вечером на возвращавшегося домой губернатора Можайского не установленным пока лицом совершено дерзновенное нападение, но, благодарение богу и решительным действиям охраны, оно было пресечено в самом зачатке. Его превосходительство живы и здоровы, а вот нападавшему, коварно использовавшему темноту и слякоть, удалось скрыться. Полиция, определив круг подозреваемых лиц, ведет успешные поиски злоумышленника...» Люди бывалые в этом месте чтение прерывали. Те, кто был попроще, сплевывали на пол, а у тех, кто имел воспитание, на лице появлялась ехидная улыбка.

Потому что все написанное, за исключением самого факта нападения, было неправдой. Никто не определял круг подозреваемых лиц, и никто никого не искал... Да и кого искать? Пойди его найди! Он уже, наверное, вон где!

А вот «Губернский патриот», газета, издававшаяся на средства дворянского собрания и мягко оппонирующая исполнительной власти, была не столь благозвучна в определениях, как «Глагол». Нападение на губернатора она назвала курьезным и первой выдвинула предположение, что гнутая серебряная ложка, неизвестно каким образом попавшая в руки его превосходительства, и есть тот самый блестящий предмет, который и губернатор, и его охранник Щеклдаев приняли за нож.

О нападении на губернатора в Татаяре какое-то совсем непродолжительное время поговорили и благополучно забыли, но ненадолго. История эта вскорости получила продолжение, и надо заметить, довольно зловещее.

Глава 3

Ложка мастера Усова

Прежде чем рассказать, какое злое продолжение получила история о нападении на графа Можайского, вкратце сообщим, что после случившегося Иван Аркадьевич впал в странную созерцательную задумчивость. Говорил мало, все сидел в кабинете и занимался тем, что переставлял на столе письменные принадлежности, никого не принимал, кому и удалось к нему пробиться сквозь заслон челяди, так это полицмейстеру. Он пришел к губернатору с одним-единственным вопросом: «Искать злодея или не искать?» Это может показаться странным: конечно же искать. Однако в те годы, когда вся власть в губернии была сосредоточена в одних руках и они принадлежали графу Можайскому, такой вопрос задать было просто необходимо.

Граф, чуть подумав, сказал:

– Ищите! – Но сказал вяло, безынициативно, точно и не касалось это происшествие его.

С тем полицмейстер и ушел, сделав для себя вывод, что можно искать, а можно и не искать, главное, чтобы видимость была.

Глядя на такое поведение Ивана Аркадьевича, домашние стали опасаться, а не тронулся ли умом его превосходительство. Кто-то говорил, что так оно и начинается – помешательство. Елена Павловна пригласила Викентьева. Врач осмотрел и сказал, что граф находится в полном душевном здравии, а заторможенность объяснил нервным потрясением и добавил, что скоро все пройдет.

Ну, а в городе тем временем случилось вот что...

Спустя две недели после странного нападения на губернатора в ночлежном доме в бывших казармах артиллерийского полка кормили бесплатным обедом обитателей этого богоприимного заведения.

Все расходы взяла на себя городская казна. Наверное, этим и можно было объяснить, что при раздаче супа присутствовал лично господин Приволов – городской казначей.

Его высокая тощая фигура столбом возвышалась чуть поодаль от котла. Казначей, заложив руки за спину, взирал, поблескивая стеклами пенсне, как повар разливал по мискам мутную тягучую жидкость. В расходных ведомостях городского совета она именовалась мясным супом.

Все должно было быть как всегда во время подобных обедов: лихорадочное, в надежде на добавку, поедание супа, косые взгляды в чужие тарелки, негромкое переругивание, кратковременные потасовки, гнусавые жалобы. Но в этот день все пошло не так, как ожидалось. Вдруг в руках одного бездомного, истрепанного, грязного, с лоснящейся повязкой на левом глазу, появилась ложка, что само по себе неудивительно. Однако это была необычная ложка – начищенная до бриллиантового блеска, она сказочным светом сияла в грязных мужицких руках, и яркие блики солнца, отражаясь от нее, плясали на закопченных стенах ночлежки. Все, в том числе и Приволов, восхищенно уставились на это диво. У казначея даже мелькнула мысль, что не худо бы подойти и поинтересоваться, откуда у бездомного, сирого и убогого человека такая, судя по всему, дорогая вещь.

Но эта мысль, быстрая, юркая, мелькнула и пропала. Ее место тотчас заняла другая – тяжелая, неповоротливая и по этим причинам будто бы правильная. Заговорила голосом его няньки: «На кой он тебе нужен, голодранец беспаспортный, спрашивать у него? Он, гляди, такой, что и ножичком может!». И Приволов отвел глаза от дивной ложки.

А вот сидевший рядом с обладателем сверкающего чуда старичок в латаной душегрейке, прищутив плутоватые глаза, спросил:

– Откедова у тебя, голубь, эдакая штука?

– Так эта... на помойке подобрал! – сказал «голубь», плохо выговаривая слова.

– Ну, это ты брось пеньку трепать, на помойке нашел, – дернул головой старик, – слямзил где-то!

– Да нет же, говорю, точно на помойке, вот чтобы мне в порох истолочься!

– Ну, тогда чего же, рассказывай, как дело было, люди вишь интересуются, – сказал старик.

И точно, бездомные, позабыв про свой суп, столпились вокруг мужика и слушали его, раскрыв рты.

– Валандался как-то возле Пантелеевской больницы...

– А где это у нас больница такая? – спросил старик.

– Да это не больница, это сумасшедший дом! – пояснил ему кто-то.

– Так вот, – продолжил «голубь», – гляжу, через пустырь барыня идет, а дело рано утром. Думаю, что это ее в такое время сюда занесло, неспроста, думаю, ну и прилепился я к ней. Она идет, озирается, не иначе задумала что-то. Я не отстаю, все за ней крадусь. Подошла она к мусорной куче, открыла радикюлю...

– Так у нее радикюля была?

– Барыни без радикюли не ходят! Вот раскрыла она радикюлю, достала чтоит, швырь в мусор и ходу оттудова. Я обождал, пока она с виду скроется, и к тому месту, а там вот эта ложка, в платок завернутая, лежит. Ну, я ее и прихватил, не пропадать же добру!

– А че, эта... она ее таво... выкинула? – спросил его кто-то из бездомных.

– Наскучила, видать, вот и выбросила! – ответил, не думая, мужик, сам же, зачерпнув супа, со словами: «Щас глянем, вкусно этой ложкой есть али нет!» – отправил ее себе в рот.

Бездомные, собравшиеся возле чумазого, зачарованно смотрели на него и, судя по выражениям на лицах, ждали каких-то ошеломляющих результатов. И дождались...

Маленькие серые глазки мужика вдруг остановились, он медленно вынул ложку изо рта и тупо на нее уставился.

– Чего, – вопрошал старичок в душегрейке, – хороша ложка?

Чумазый что-то хотел сказать. Он по-рыбы захлопал губами, но сказать так ничего и не смог, вместо слов изо рта его, разбавленная супом, хлынула кровь.

На мгновение бездомные замерли, после чего все разом загалдели. Каждый лез к мужику и, дергая его за рукав, пытался узнать, что случилось, откуда кровь? Кто-то кричал, что это чахотка.

Сам чумазый, пытаясь что-то проговорить, раскашлялся, и изо рта его что-то вывалилось и противно шлепнулось на дощатый стол.

– Это что ж такое? – наклонился старичок в душегрейке и тут же отшатнулся. На столе в лужице опрокинутого супа, лилово-фиолетовый с кровавыми подтеками, лежал кусок человеческого языка.

– Убили! – вдруг заорала сидящая напротив баба с ребенком. Ребенок от крика вздрогнул и заплакал в голос, как бы помогая ей.

Крик этого дуэта услышал Приволов и решил взглянуть, что случилось. Бездомные его пропустили, почтительно расступившись.

Казначей прошел к окровавленному мужику и, поправив пенсне, спросил: «Что произошло?» На этот вопрос ответил старичок в душегрейке:

– Да он, кажись, язык себе откусил! – И указал пальцем на стол, где лежал окровавленный кусок.

Вышедший из оцепенения чумазый энергично замотал головой, разбрызгивая кровь, замычал и, дико тараща единственный глаз, ткнул рукой в ложку.

– М-м-м-м-мо-о-ха! – вырвалось из его глотки точно при полоскании.

Приволов осторожно взял ложку, брезгливо стряхнул с нее кровь и остатки супа, внимательно осмотрел. В глаза бросилась надпись на ручке, гравированная церковно-славянской вязью, которая гласила: «Уступи место, самозванец!» Брови Приволова, вздрогнув, взлетели до середины лба и там остались, что свидетельствовало о крайней степени удивления. Удивлялся казначей довольно редко, только при отрицательном сальдо тысяч в десять, и то только тогда, когда ему было неизвестно, а куда именно делись эти десять тысяч. Но странная ложка с не менее странной надписью, которая казалась ему знакомой, не только удивила, но и испугала, особенно тем, что при дальнейшем осмотре обнаружилось – края совка ложки необычайно остры, будто бы точены с умыслом.

На другой стороне ручки также имелась надпись, выполненная той же церковно-славянской вязью. Эта надпись была короче первой и указывала, по всей видимости, на человека, изготовившего ложку. «Мастер Усов» – вот что было написано на обороте.

Пока Приволов осматривал ложку, все стояли и молча ждали, что он скажет. Ждал и чумазый, плотно стиснув губы, стараясь не смотреть на кусок своего языка, лежащий на столе. Было видно, как не то от волнения, не то от кровотечения судорожно ходит кадык на его грязной и тощей шее.

– Так, значит, этой ложкой ты себе язык отхватил? – поднял казначей глаза на страдальца. Тот, прижав руки к груди, утвердительно закивал.

Глава 4

Терзания городского казначея

На улице Пехотного Капитана появился человек, в котором даже издали можно было признать городского казначея. Энергично размахивая руками, он с переходящей в спешку торопливостью шел по неровно вымощенному тротуару в сторону колокольни. Несмотря на погожий день и цветущие акации, господин Приволов был мрачен, а его вицмундир не по-весеннему застегнут на все пуговицы. Но не забота о спасении души владела им сейчас, он думал о спасении тела.

Казначей упрекал себя за то, что совершил, на его взгляд, непростительную ошибку: вместо того чтобы отнести в полицию отобранную у бездомного странную ложку, он принес ее домой и спрятал в чулане. Зачем? Он постоянно задавал себе этот вопрос, но ответить на него не мог.

И все бы ничего, но сегодня утром к нему в руки попал номер «Губернского патриота» двухнедельной давности. Кто-то, очевидно по ошибке, сунул эту газету в почтовый ящик. Приволов никогда не читал ее, находя несколько вольнодумной, а тут черт дернул. В том нет ничего удивительного, что городской казначей, пятидесяти лет от роду, вдовец, ведущий замкнутый, почти затворнический образ жизни, был не в курсе некоторых городских событий. Вернее, он знал, что с губернатором что-то там приключилось, но вот подробности этого происшествия прошли мимо Приволова. Ему было достаточно того, что его превосходительство жив и здоров. И вдруг ушат холодной воды на голову – «Губернский патриот», а в нем те самые подробности нападения на губернатора, о которых Приволов ничего не знал: ложка и, самое главное, фраза «Уступи место, самозванец!». Ледяной душ, совмещенный с ударом в солнечное сплетение, – вот что почувствовал городской казначей после прочтения «Патриота».

Сложив два и два, он понял, что невольно стал соучастником нападения: скрыл улику, и, по всей видимости, очень важную. В полицию нести ложку уже поздно, однако избавиться от нее нужно немедленно!

Приволов, подчиняясь скорее какому-то инстинкту, чем здравому смыслу, вначале сжег газету. Сделал это со всей тщательностью, на которую только был способен: скомкал, положил в печь, поджег, подождал, пока она полностью сгорит, после чего кочергой истолок пепел. Наивность этих действий несомненна, но так уж был устроен городской казначей. Работа с деньгами приучила его обращать внимание на мелочи, и он знал, если уж прятать концы, то как можно надежнее, и ни в коем случае не полагаться на авось. После он быстро оделся, сунул сверток со злополучной ложкой в карман и вышел из дому.

Ноги сами несли его. Куда, он не знал, да и не желал знать. Единственное, чего хотел Приволов, – подальше отойти от дома и там, где окажется, выбросить эту странную и страшную ложку, забыть о ней и никогда не вспоминать!

«Как все-таки несправедливо устроена жизнь!» – думал казначей, шагая неведь куда. Он увидел себя молодым, полуголодным, во всякое время нуждающимся. Ах, как он тогда, в те годы, годы нищие и прекрасные, мечтал ну хоть о каких-нибудь средствах. После слова «счастье» он ставил слово «деньги», и наоборот. Деньги и счастье были для него тогда синонимами. Одно плавно перетекало в другое, смешивалось в искристый благоухающий напиток, заполняло собой золотой потир. С тех пор прошли годы. Юношеским мечтаниям Приволова пусть не в полной мере, но суждено было сбыться. Правдами и неправдами, больше конечно же неправдами, он все же дотянулся до этого сосуда и, уцепившись зубами в край, отпил. Вкус разочаровал казначея. Это был не восхитительный благоухающий напиток с взрывающимися

на языке пузырьками, а жирный, сильно пересоленный бульон. Перебарывая отвращение, Приволов отпил из этого сосуда, отпил достаточно, чтобы безбедно провести старость.

Однако несправедливость жизни заключается именно в том (по соображениям самого Приволова), что, приобретая одно, мы теряем другое, и потерянное подчас оказывается для нас более важным, чем приобретенное. Но понимать это мы начинаем тогда, когда ничего нельзя исправить, и в этом заключена ирония жизни. Накопив денег, казначей утратил здоровье, был этим очень обеспокоен, кинулся к доктору. Все говорили, хотя и дорого берет, зато в деле своем волшебник, мертвого на ноги поднимет, да и мало того, заставит плясать краковяк вприсядку. Эта характеристика внушала оптимизм. Доктор оказался с чувством юмора. После того как осмотрел пациента, дал какую-то бумажку:

– Вот, ознакомьтесь!

Казначей взглянул на нее и сильно удивился. Это было ресторанное меню!

– Но позвольте, это же...

– Верно! – кивнул доктор. – Это меню взято мною в ресторане Щеглова. Но для вас это не меню, а перечень блюд, запрещенных к употреблению...

– Кому запрещенных?

– Как кому? Вам, конечно! Ну, если хотите еще пожить...

Приволов хотел еще пожить, очень хотел и поэтому все рекомендации веселого доктора выполнил. Оказалось, что и пареная репа может быть вкусной. Но теперь он может лишиться большего. С появлением этой ложки он может лишиться тихой и спокойной жизни.

Вот так, терзаемый тревожными мыслями, он и оказался на улице Пехотного Капитана. Рассеянный взгляд казначея не заметил торчащий из тротуара камень, нога запнулась, и Приволов рухнул на тротуар, растянувшись во весь свой немалый рост.

Улица, если не брать во внимание нескольких купающихся в пыли кур, была пустынна, и никто не увидел, какой казус приключился с Приволовым. Казначей быстро поднялся на ноги, наспех отряхнулся и, проклиная российские дороги, перешел на другую сторону улицы.

Без дальнейших происшествий он миновал Пехотнокапитанскую, за ней еще несколько улиц. Он быстро пересекал заросшие высокой травой пустыри, не задумываясь сворачивал в какие-то проулки и в конце концов забрел в такие трущобы, о существовании которых даже не подозревал. Все здесь было крайне необычно: дома не походили на дома, люди, которые иногда попадались Приволову навстречу, не походили на людей, даже бродячие собаки с мутными глазами отличались от тех бродячих собак, которых ему приходилось видеть раньше.

Было ли так на самом деле, или собственное воображение, подстегиваемое страхом, сыграло с Приволовым злую шутку, неизвестно. Известно лишь то, что он заплутал, и на какое-то время им овладело отчаяние. Однако оно было недолгим. Как всякий русский человек, попавший в затруднительное положение, Приволов, зайдя в укромное, еще более темное, чем сама улица, местечко, сотворил молитву Николаю-чудотворцу. И что же? Еще немного поплутав, казначей наугад свернул в небольшую сырую улочку, которая и вывела его за город.

Он прошел, может быть, с полверсты или чуть поболее, свернул на узенькую тропинку и спустя четверть часа быстрой ходьбы оказался на краю заброшенного глиняного карьера.

Котлован карьера был почти доверху заполнен водой. Если в него бросить ложку, ее никто и никогда не найдет...

Казначей сунул руку в карман... но свертка с ложкой там не оказалось.

Он принялся лихорадочно себя ощупывать. Так делает каждый человек, обнаруживший потерю. Затем, хоть в этом не было никакой необходимости, вывернул наизнанку все карманы. Тщетно: ложка исчезла!

В первое мгновение Приволов хотел бежать назад в надежде отыскать потерю, сделал несколько шагов, но вдруг остановился и громко рассмеялся... «Зачем, – думал казначей, –

зачем искать?» Он хотел тихо избавиться от этой ложки, и он избавился! Это произошло, ложки больше нет! Теперь даже мысленно не будет возвращаться к тому месту, где ее оставил, потому что не знает, где это... Всё!

Казначей почувствовал облегчение, которое давно его не посещало, приятную слабость в теле. Захотелось прямо здесь, возле карьера, посидеть на травке или даже полежать, широко раскинув руки, глядя в пугающую синеву весеннего неба. Но это желание было скоротечным. Его ждали дела.

Остаток дня прошел превосходно. Явившись на службу, Приволов работал не останавливаясь. Душа приятно рвалась на части. Он улыбался. Даже что-то издали похожее на румянец проклюнулось на его впалых желтых щеках. Сослуживцы тихо шептались в углах, звучал один вопрос: «Что случилось с городским казначеем?» – и тысячи ответов: «Может быть, случилось это, а может быть, то», – и вдруг тихий голос откуда-то из-за шкафа: «Казначей влюбился!»

Вот что значит освободиться от бремени, ты сразу начинаешь быть похожим на влюбленного.

В эту ночь казначей, для которого бессонница была, увы, делом привычным, сразу же уснул и крепко спал без сновидений до семи часов утра. Затем он проснулся и, стоя в одном исподнем, немного пофиглярничал перед большим умывальным зеркалом. Это была утренняя гимнастика. Казначей никогда раньше ее не делал, но в это замечательное утро поклялся себе твердым словом делать гимнастику всегда. Потом после умывания съел полный завтрак, чем удивил кухарку, и в высшей степени превосходном настроении отправился на службу.

Ровно в двенадцать часов пополудни в дверь приволовского кабинета, расположенного во втором этаже городской управы, постучали, и стук этот странным образом совпал с боем курантов на Сиротской башне Татаярского кремля.

– Войдите! – сказал казначей, не поднимая головы. Он писал. Однако дверь не открылась, вместо этого постучали еще раз.

– Войдите! – откладывая ручку, крикнул Приволов. Дверь не открылась и на этот раз.

Казначей, решив, что это какой-нибудь робкий посетитель, которых приходит множество, пошел открывать сам. За дверью никого не оказалось. Приволов вышел в коридор, посмотрел в один конец, затем в другой – пусто! Хотел было зайти обратно, но что-то попало под ноги. Присмотрелся, и точно обухом по голове: на полу коридора, пыльный и грязный, однако хорошо узнаваемый, лежал сверток. В одном месте он прорвался, и из него точно жало выглядывал кончик ложки, той самой...

Глава 5

Встреча на пустыре

Казначей в буквальном смысле одеревенел и несколько мгновений стоял без движения. С параличом воли ему удалось справиться благодаря тому, что где-то в дальнем углу коридора заскрипела дверь...

Доли секунды было достаточно, чтобы подхватить сверток и юркнуть к себе в кабинет. Он захлопнул дверь и прижался к ней спиной, почувствовал, как намокает от пота нательная рубаха, колени дрожали и слабели, а сердце стучало так сильно, что стук отдавался в затылке. Как эта ложка оказалась у двери его кабинета? Кто принес ее? У этих вопросов не было ответов, но казначей как заведенный повторял одно и то же: «Кто, кто, кто?»

То, что Приволов сделал дальше, можно объяснить только его состоянием. Он выхватил из рукава вицмундира носовой платок, отпихнул в сторону чернильный прибор, рывком разложил платок на столе и обернул сверток с ложкой. Для верности обвязал сверху куском почтового шпагата, сунул в карман и выбежал на улицу.

Скорым нервным шагом пошел по тротуару, не оглядываясь. Стоящий на противоположной стороне улицы дворник-татарин ленивым взглядом проводил его до поворота.

Целью казначея, как выяснилось дальше, был нам уже известный глиняный карьер. Всю дорогу к нему городской чиновник прошел, не вынимая руку из кармана, где плотно, боясь даже на мгновение ослабить хватку, сжимал сверток с ложкой.

Оказавшись через какое-то время у карьера, Приволов, ни на секунду не задумываясь, вынул из кармана ложку и с силой зашвырнул в котлован. Описав в воздухе дугу, сверток плюхнулся в воду и сразу же затонул. Казначей, не дожидаясь, пока успокоится поверхность водоема, резко развернулся и пошел в обратном направлении.

Там, где тропинка выбегала на большак, он заметил человека. Человек свернул с дороги и, придерживая ветки кустов, двинулся казначею навстречу.

«Кто бы это мог быть?» – близоруко сощурившись, подумал Приволов. Человек шел быстро, и через несколько минут его уже можно было рассмотреть.

Высокий худощавый мужчина средних лет, одетый в светло-серую пиджачную пару и шляпу канотье, был совершенно незнаком Приволову. Это успокоило казначея, так как он не хотел, чтобы кто-нибудь из знакомых увидел его здесь. Ему были не нужны лишние вопросы. Когда они поравнялись, Приволов уступил незнакомцу дорогу. Тот, замедлив шаг, приподнял канотье, под которым оказались светлые коротко стриженные волосы, кивнул и пошел дальше. Казначей успел сделать всего лишь несколько шагов, как его остановил глуховатый, с неприятным поскрипыванием, голос незнакомца.

– Это не вы обронули? – услышал за спиной.

– Что? – Приволов медленно повернулся. Незнакомец возвращался, держа в руке сверток, похожий на тот, который несколько минут назад был выброшен в котлован карьера. Вначале это ошеломило казначея, но, заметив, что сверток совершенно сухой и не перевязан почтовым шпагатом, он приободрился и сказал:

– Нет, я ничего не терял!

Незнакомец настаивал, чтобы он рассмотрел сверток получше, на что казначей ответил решительным отказом, развернулся на пятках и хотел уходить, но возникло неожиданное препятствие в виде огромного детины в мужицком армяке, который, ломая кусты бересклета, выбрался на тропинку и преградил дорогу.

– Как это понимать?

Приволов повернулся к обладателю светло-серой пиджачной пары и вопросительно уставился на него. Тот подошел почти вплотную, и казначей смог хорошо рассмотреть лицо незнакомца. Гладко выбритое, с тонким правильным носом, строгие плотно сжатые губы, пожалуй, слишком резкая линия подбородка – однако она его не портила, а, напротив, добавляла мужественности. Глаза, широко открытые, темно-зеленые, смотрели на Приволова по-доброму, но ему почему-то стало нехорошо под этим взглядом. Холодок дурного предчувствия, цепляясь мелкими коготками за кожу, медленно пополз вверх по спине...

– Может быть, все же это вы обронили? – Незнакомец, не сводя глаз с лица казначея, почти насильно сунул сверток ему в руки. – Разверните! – Это прозвучало как приказ.

– Я разверну, но в этом нет никакого смысла. – заявил с напускным равнодушием Приволов и принялся разворачивать сверток.

Там, это казначей определил на ощупь, находилась ложка. Однако самое неприятное ожидало Приволова впереди. Когда он развернул тряпицу, то не смог сдержаться и воскликнул:

– Этого не может быть!

– Почему? – поинтересовался незнакомец.

– Я же выбросил ее в воду!

– А зачем вы выбросили ее в воду?

– Что значит зачем? Хотел избавиться... Нет, нет, не то, я хотел... А какое, собственно, вы имеете право меня об этом спрашивать?

– По долгу службы, – ответил незнакомец и широко улыбнулся, обнажая – вот тут природа постаралась – идеальнейшие зубы. Улыбка незнакомца была настолько обезоруживающе хороша, что, глядя на нее, казначей подумал: «Нет, дурной человек не может так улыбаться!»

– Какой службы, вы кто? – спросил он, оглядываясь на продолжавшего загоразживать проход детину в армяке. Этот угрюмый, разбойничьего вида человек никак не увязывался в сознании Приволова с улыбкой обладателя светло-серой пиджачной пары.

– Разрешите представиться, полковник фон Шпинне Фома Фомич, начальник губернской сыскной полиции, – приподнимая канотье, сказал незнакомец и снова улыбнулся. – Поэтому настоятельно советую вам, господин Приволов, следовать за мной. Да, а ложку верните мне, она вам больше не понадобится.

Здесь стоит пояснить, что сыскная полиция была учреждена в губернском городе Татайре не так давно, поэтому городской казначей – а мы помним, какой образ жизни он вел, – ничего о ней не знал, ну и, конечно же, он был незнаком с ее начальником бароном фон Шпинне. И еще стоит добавить, о фон Шпинне вообще мало кто знал. Сведения, которые доходили в губернский город Татаяр, были крайне скудны и противоречивы. Некоторые говорили, что Фома Фомич прибыл из Северной Америки, где выполнял какую-то секретную миссию, и будто бы миссия эта увенчалась блистательным успехом. По этой же причине за ним сейчас по всему миру гоняются какие-то атапаски, и чтобы спасти его от них, барона специально отправили в Татаяр – уж здесь его точно никто не найдет.

Но это, как вы понимаете, были всего лишь слухи. А вот что известно о фон Шпинне доподлинно: чуть больше года назад он прибыл в Татаяр с двумя «орлеными» бумагами, которые в день своего прибытия предъявил его превосходительству графу Можайскому. Одна бумага содержала высочайший указ об учреждении в губернском городе Татайре сыскной полиции, а вторая утверждала в должности начальника этой полиции подателя сих документов, то бишь полковника Фому Фомича фон Шпинне.

У татайрского губернатора не было заведено обсуждать высочайшие указы, поэтому он принял нововведения без оговорок. Да надо сказать, что и начальник сыскной ему понравился, улыбчивый привлекательный полковник не походил на всех тех служаков, которые окружали губернатора, выгодно отличался от них и связной речью, и манерой одеваться. И еще, на что губернатор обратил особое внимание, в ясных зеленых глазах полковника отсутствовала свой-

ственная полицейским, да и прочим облеченным властью людям, нахаляжка, которая всплывает со дна глазного яблока и мутно поблескивает, лишь только человек получает классный чин или просто берут его на службу. Говорят, что вот по этой самой нахаляжке опытные преступники сразу же определяют полицейского, даже если он одет в гражданское платье.

Прочтя бумаги и одобрительно крикнув, губернатор вышел из-за стола и протянул поднявшемуся навстречу полковнику руку:

– Весьма и весьма рад!

Что еще обрадовало губернатора, так это то, что рукопожатие у барона было крепким и твердым, а ладонь теплой и сухой.

– Я тоже рад, – улыбнулся в ответ Фома Фомич.

– А вы знаете, полковник, для вас у меня имеется помещенье. Не так давно у нас один купчина проштрафился, самого в Сибирь на каторгу отправили, а имущество казне отошло. Все было продано с аукциона, а вот дом, в котором он всякие мерзости сотворял, никто покупать не хочет, побаиваются люди. Слухи, знаете, разные, будто бы у этого купца Захарьина какие-то сношения были с дьяволом, но это слухи. Я вам об этом не потому говорю, что верю в них, а чтобы объяснить, почему дом не покупают. Но вы же человек служивый, вы нечистой силы бояться не должны, или побаиваетесь?

– Никак нет, ваше превосходительство.

– Вот и замечательно; стало быть, дом купца Захарьина, что на улице Пехотного Капитана, отдаем под сыскную полицию.

Вот вкратце кто такой полковник фон Шпинне и каким образом он попал в Татаяр.

Глава 6

Вот эта улица, вот этот дом...

Троица, которую мы оставили вблизи заброшенного глиняного карьера, чтобы рассказать о начальнике сыскной полиции, вышла к дороге в таком порядке: первым уверенной поступью следовал полковник фон Шпинне, за ним городской казначей, последним шел детина в армяке.

На дороге чуть поодаль от того места, где тропинка прилеплялась к ней, стояла пролетка, запряженная низкорослой саврасой лошадкой. Завидя людей, лошадка тряхнула гривой и без понукания потащила коляску им навстречу.

Детина в армяке потрепал лошадку за морду, любовно погладил гриву, затем, сунув руку в карман, подал что-то в горсти. Влажными мясистыми губами собрав с ладони угощение, лошадка даже притопнула от удовольствия и негромко заржала, обнажая крупные желтые зубы. Перехватив удивленный взгляд казначея, начальник сыскной, сочтя это своим долгом, пояснил:

– Наш второй кучер – Касьян. Силищи как у черта, да и вид, надо сказать, свирепый. Я, собственно, за этот вид его и взял, а вот нутро мягкое, податливое, что у гимназистки какой. Воск, а не нутро. Увидит птичку, замерзшую на улице зимой, плачет вот такими вот слезами! – И начальник сыскной отмерил на указательном пальце правой руки чуть ли не вершок. – Большой и добрый, а посмотришь на иного – маленький, щупленький, ножки тоненькие, кривенькие, через железную дорогу сам перейти не может, переносить надо, а сколько в нем злобы, сколько желчи черной! Вот зарежь такого да в море кинь, море горьким сделается.

Сказав все это, фон Шпинне пригласил Приволова садиться.

«Странные он мне рассказы рассказывает!» – подумал тот и, забираясь в коляску, осмелился на вопрос:

– Куда мы поедем?

– Хочу пригласить вас к себе в гости.

– Зачем?

– Ну как зачем, хочу лучше узнать вас, порасспросить кое о чем. Человек вы, судя по всему, бывалый. Наверное, много историй всяких занятных знаете. Да и у меня, – фон Шпинне подмигнул казначею, – имеется пара случаев. Обещаю, скучно не будет. На худой конец вот Касьяна позовем, – начальник сыскной коснулся при этом армячной спины кучера, который уже взобрался на козлы, – он нам на балалайке сыграет. Ты ведь умеешь играть на балалайке, Касьян?

– Никак нет, ваше высокоблагородие!

– Ну что же, тогда трогай, – вздохнул несколько разочарованный фон Шпинне и, уже обращаясь к казначею, сказал: – Придется, господин Приволов, нам с вами ограничиться одной только беседой, жаль. А то, может быть, вы сами сыграете на балалайке?

«Далась ему эта балалайка!» – подумал казначей, а вслух произнес:

– Нет, премного благодарен, но я на балалайке не играю.

– А на чем вы, позвольте вас спросить, играете?

– Ни на чем! – ответил казначей, а сам подумал: «Почему он решил, что я на чем-то играю? Странный человек!»

– Жаль, очень жаль...

– Послушайте, господин фон Шпинне...

– Я слушаю вас, вы даже не можете себе представить, как внимательно я вас слушаю.

– Видите ли, я человек занятой, мне на службу нужно, а вы говорите – гости!

– Да полно вам, господин Приволов, если человек изыскивает возможность в урочный час прогуливаться по городским окрестностям в нескольких верстах от места своей службы, то что для него каких-нибудь двадцать минут. Да я вас дольше и не задержу. Хотелось бы, очень хотелось, но у самого, знаете ли, дела!

Тем временем саврасая лошадка, как выяснилось, довольно скорая на ногу, уже втащила коляску с Приволовым и начальником сыскной в город и, бойко стуча копытами по мостовой, быстро понеслась мимо сереньких обывательских домиков.

Начальник сыскной был чрезвычайно словоохотлив. В продолжение всей поездки он что-то рассказывал, задавал казначею какие-то несурзные вопросы, сам же на них отвечал, внезапно менял темы разговора, а то вдруг спрашивал у Приволова совета. Ситуации, предлагаемые им, были невероятные, можно даже сказать, фантастические. Казначей терялся, что вообще можно сказать на это, не говоря о совете.

Когда пролетка въехала на тенистую, засаженную белыми акациями улицу и остановилась у какого-то дома, в голове Приволова была совершеннейшая каша из мудреных слов, обрывков фраз и вопросов. Его даже подташнивало, в глазах двоилось, а в ушах засела вата.

– Ну, вот и приехали, – издалека долетели до казначея слова фон Шпинне. – Эй, вы уснули, господин Приволов? – Начальник сыскной стоял уже на земле и тряс его за колено. – Все, приехали, можете сходить. Я вам сейчас помогу. Согласен, дороги скверные, вот вас и рас-трясло.

Когда Приволов оказался у коляски, ему как будто стало получше.

– Взгляните вокруг, господин казначей, ну не замечательно ли! – восторженно произнес фон Шпинне и раскинул руки, дабы обнять нечто его восхитившее. Следуя его призыву, Приволов мутным взором окинул зауряднейшую из улиц, удивился такому неподдельному восторгу начальника сыскной и, чтобы не обидеть, ответил:

– Да, пожалуй...

И сразу же после его слов лицо полковника резко изменилось, отвердело, что ли, он подошел к казначею вплотную и, глядя прямо в глаза, спросил:

– А вы, господин Приволов, не узнаете это место?

– Нет! – Казначей повертел головой и добавил: – Нет, я здесь впервые.

– Разве? Ну же, господин казначей, посмотрите, внимательнее посмотрите!

– К чему это все? Я уже, кажется, сказал, что места этого не узнаю! – раздраженно проговорил Приволов.

– Одно из двух, – заметил фон Шпинне, – или у вас совершенно отсутствует зрительная память, или... или вы водите меня за нос, уважаемый господин казначей.

– Не понимаю вас!

– Вы не понимаете меня, а я вас. Как же вы могли забыть, что вчера около полудня, в этом самом месте, зацепившись ногой вот об этот камень, – Фома Фомич носком штиблета указал камень, – вы упали! Ну, теперь-то вспомнили место?

– Вы что же, следили за мной? – вскричал Приволов.

После его вскрика и начальник сыскной, и кучер, продолжавший сидеть на козлах, засмеялись.

– Вы знаете, что это за дом? – спросил фон Шпинне у казначея, указывая на двухэтажный особняк с маленьким, более похожим на голубятню, мезонином.

– Нет, не знаю.

– Не знаете, ну это неудивительно, многие не знают, но не буду вас томить, скажу. Только у меня к вам одна просьба, вы уж будьте так добры, не смейтесь.

– Мне, господин фон Шпинне, если честно, не до смеха, – понуро ответил казначей.

– Это, – полковник махнул в сторону дубовой под лаком двери особняка, – бывший дом купца Захарына, местного чернокнижника. Может быть, слышали? Хорошо, что не слышали,

он сейчас на сахалинской каторге черные мессы правит. Ну, да ладно о Захарьине, теперь в этом доме располагается сыскная полиция. Вчера около полудня вы, господин Приволов, упали у входа в сыскную полицию и здесь же обронили сверток, который мы и подняли...

– Выходит, это вы подбросили его под дверь кабинета? – с нотками облегчения в голосе спросил казначей.

– Выходит, мы, – ответил начальник сыскной. – Правда, мы вам подбросили другую ложку...

– Но зачем?

– Что зачем? Зачем другую ложку или зачем подбросили?

– Зачем подбросили?

– Знаете, господин Приволов... Нет, какая у вас все-таки фамилия красивая, звучная, раздольная, вот произношу – Приволов, а у самого перед глазами Среднерусская возвышенность, поля, перелески, ширь, простор... Жалею иногда, ну вот почему я не птица, вот взял бы да и полетел! Вы никогда не хотели стать птицей? Ну да, да, понимаю, вы человек серьезный... Так о чем это я? Ах да, вы меня спрашивали, зачем мы вам подбросили сверток с ложкой, да?

– Да!

– Увы, господин казначей, для меня это такая же загадка, как и для вас. А все импульсивность натуры, непоседливость души, жажда деятельности, – вздохнул фон Шпинне. – Вот сделаешь что-нибудь, а потом сам же себя и спрашиваешь – зачем? – Он надул щеки и выпучил, насколько это было возможным, глаза, изображая удивление. – И не знаешь, что ответить. Вот не знаешь, и все тут! Да, поскольку мы с вами заговорили о ложке, хочу предложить вам на выбор несколько вопросов...

– Это как?

– Да никак, это просто шутка. Никакого выбора. Вы должны будете ответить на все мои вопросы. Я думаю, в моем кабинете нам будет удобнее, чем здесь на пороге. Прошу в наши палестины, – с этими словами фон Шпинне распахнул дверь сыскной полиции.

Глава 7

Допрос

Не обращая внимания на дежурного с оспенным лицом, который при виде начальника сыскной вскочил со стула и замер с недожеванным куском во рту, фон Шпинне проводил Приволова к лестнице.

– Несколько ступеней вниз, и мы на месте, – сказал он шепотом. – И еще, господин Приволов, хочу вас предупредить: если вы вдруг увидите странных прозрачных людей, не пугайтесь, это призраки, несчастные души, загубленные сатанистом Захарьиным.

– И вы что же, видели их? – спросил напуганный Приволов.

– Я даже стрелял в них из револьвера...

– И что?

– Пустая затея, пули не причиняют им никакого вреда. О, я вижу, вы напуганы?

– Да нет, все в порядке...

– Раз так, то что мы стоим, вперед!

Комната, в которую фон Шпинне ввел Приволова, была полуподвальной и более напоминала пенал. Зарешеченное окошко под потолком давало слишком мало света, поэтому горел газовый рожок. Здесь имелись стол без каких-либо письменных принадлежностей и два грубо сколоченных табурета.

Войдя в комнату, Приволов огляделся, нет ли чего странного.

– Присаживайтесь, – указывая на один из табуретов, предложил начальник сыскной.

– Это ваш кабинет? – осматривая грязные ободранные стены, удивился казначей.

– Конечно, не Версаль, но крыша над головой, а это что-нибудь да значит! – ответил Фома Фомич и, сняв с головы канотье, уселся на свободный табурет. – Скажите мне, господин Приволов, только без утайки, откуда у вас эта ложка? – Фон Шпинне достал из кармана сверток и развернул на столе.

У Приволова не было причин что-либо скрывать, и он рассказал все как было.

– Так, так, – произнес Фома Фомич после того, как городской казначей закончил рассказ. – Вы не можете припомнить, а куда девался отрезанный кусок языка?

– Нет! – воскликнул Приволов и сморщился.

– Опишите этого бездомного, как он выглядел?

– Как и прочие бездомные, грязный... это, пожалуй, все, что я могу сказать.

– Может быть, какие-нибудь особенности...

– Какие особенности?

– Цитировал Гомера или еще что-то?

– Нет, да меня и рядом-то не было. Я подошел к нему, когда уже все случилось, – ответил казначей, не понимая, что над ним подтрунивают.

– А вы смогли бы его узнать, или, может быть, вы его видели раньше?

– Нет, раньше я его не видел, а узнать... – Приволов задумался. – Вряд ли. Для меня они все на одно лицо. Да, совсем выпустил из виду, у него была на глазу повязка.

– На каком глазу?

– Кажется... – Приволов сосредоточенно напрягся. – Кажется, на правом.

– Значит, он у нас одноглазый. Ну, одноглазого найти будет проще... – ни к кому не обращаясь, проговорил полковник. – Хорошо, и последнее. Я так понимаю, эту ложку, ложку мастера Усова, вы забрали себе, чтобы никто больше не поранился, верно?

– Да!

– Я другого понять не могу, зачем вы собирались ее выбросить, вы разве ничего не слышали о нападении на губернатора?

– Слышал, – ответил казначей и поспешно добавил: – но подробностей не знаю!

– Вы что же, не читали «Губернский патриот»? Там были подробности.

– Я не читаю «Губернский патриот», – сказал Приволов и развел руками.

– А вчера утром? Вы какую газету сожгли в своей печи? Разве это был не «Губернский патриот»?

Этот безобидный для любого другого человека вопрос для казначея был страшным и неожиданным. От этого вопроса он потерял способность дышать. Сердце, за которое кто-то ухватился, перестало биться. По крайней мере, ему так показалось. Но кто-то где-то решил, что это, пожалуй, будет слишком легкой, да и преждевременной смертью для человека, не брезгующего мелкими финансовыми махинациями. Пусть он еще помучается, решил этот кто-то, и невидимая рука, так крепко ухватившая казначея за сердце, вначале ослабила хватку, а затем и вовсе отпустила, и он задышал.

Длилась эта неприятность с Приволовым всего лишь доли секунды. Так что начальник сыскной в полной мере и не осознал, какая трагедия чуть было не случилась с его собеседником, а может быть, осознал и именно поэтому повторил свой безжалостный вопрос:

– Так какую газету вы сожгли?

– Но откуда вы знаете? – натужно спросил казначей.

– Вам плохо?

– Нет-нет, все хорошо. Откуда вы знаете про газету?

– Мы всё знаем, – ответил начальник сыскной, и, несмотря на то что он очень сильно преувеличивал, Приволов поверил. Казначей даже не догадывался о том, что сыскная полиция только потому знает о газете «Губернский патриот», что сама же ее и подбросила, а потом один из агентов подсматривал в окно, как Приволов сжигает ее в печи.

– Итак, господин казначей, – начальник сыскной сплел пальцы обеих рук и поднял их на уровень груди. – Почему вы не понесли ложку в полицию?

Казначей молчал, да и что он мог сказать, как оправдаться?

– Вы хоть понимаете, что вас могут обвинить если не в пособничестве, то в преступном доносительстве?

– Понимаю, – едва двигая губами, проговорил казначей.

– Ничего вы не понимаете. А я знаю, почему вы не понесли ложку мастера Усова в полицию. Вы трусили! Вам не хотелось неприятностей, расспросов и прочего, вы хотели спокойной жизни. – И снова точно в душу заглянул начальник сыскной. «До чего же опасный человек!» – мелькнуло в казначеевой голове. – Вы трусили, и сейчас вам стыдно в этом признаться. Самому себе стыдно признаться, не говоря уже о том, чтобы признаться мне...

– Да, я трусил! – выпалил Приволов. – Но это единственное, в чем я виноват!

Начальник сыскной ухмыльнулся.

– Хорошо. – сказал он. – У меня больше нет к вам никаких вопросов, по крайней мере пока нет. Можете быть свободны и будьте осмотрительнее, господин Приволов. Помните: пытаюсь уйти от маленьких неприятностей, совсем не успеваешь заметить, как приходишь к большим...

Когда казначей вышел из помещения сыскной полиции, особняк на улице Пехотного Капитана уже не казался ему заунывным, как раньше. Приволов еще раз осмотрел его и нашел, что домик-то того, мрачноват, что-то зловещее было во всем его облике: в окнах, дубовой двери, даже в дверной ручке, напоминавшей не то собачью, не то волчью лапу. Он пошел прочь от этого дома и, пока не миновал Пехотнокапитанскую, все озирался – не идет ли за ним кто?

«Вот же какая злокозненная случайность!.. – думал, возвращаясь в городскую управу, казначей. – Вот не пойди я по этой улице или даже пойдя, но не упади, не оброни ложку,

все могло быть по-другому: тихо, мирно, без этих страхов, без допросов, без фон Шпинне, наконец!»

Какой ужасный человек, он, как буравчик, ввинчивается в тебя и рассматривает, что там внутри, не прячется ли какая крамола...

Увы, но нам придется не согласиться с нашим финансовым тружеником. Полиция с самого начала знала о ложке мастера Усова. Осведомитель из числа присутствующих на обеде бездомных в тот же день донес в сыскную. Полиция сработала быстро. Были разысканы и допрошены: повар, старик в душегрейке, еще несколько свидетелей. К сожалению, того, кто принес ложку, а потом обрезал себе язык, отыскать не удалось. Как в воду канул. Никто даже имени его не смог назвать. Зато все утверждали, что кусочек языка съела какая-то собака, когда его сбросили со стола на пол. За Приволовым было решено установить слежку, уж больно подозрительно он себя вел. Кто знает, может быть, он соучастник нападения на губернатора? В полиции, правда, в соучастие это никто не верил, однако проследить нужно было все равно. Чем все закончилось, вы уже знаете. Приволов был ни при чем, но оставалась еще ложка мастера Усова.

Глава 8

Разговор фон Шпинне с губернатором

Дым от вонючих испанских пахитосок, которые курил губернатор, уже заполнил все пространство огромного кабинета. Сидящий напротив графа полковник фон Шпинне хотя и не высказывал явного недовольства, все же был недоволен, и это читалось в его колких темно-зеленых глазах.

Однако губернатор продолжал вынимать из сигарного ящика все новые и новые пахитоски. Ему было наплевать, как относится к этому начальник сыскной, потому что перед графом на письменном столе в самом центре грязного измятого платка лежала с виду безобидная, но если присмотреться, такая опасная ложка мастера Усова. Граф смотрел на нее, не отводя остекленевших глаз, и уже в который раз перечитывал надпись на ручке: «Уступи место, самозванец!»

– Фома Фомич! – обратился он к начальнику сыскной. – Ну, вот ответьте мне, разве я самозванец? Я назначен высочайшим указом. Государь собственноручно повязал мне ленту, вы слышите, собственноручно! У меня два Станислава, Анна первой степени и Владимир первой степени! И кому, кому я должен уступить место? Кто он, мой таинственный восприемник?

– Иван Аркадьевич, успокойтесь, – раздался тихий с поскрипыванием голос фон Шпинне. – Вы битый час только и говорите, что об этой ложке. Нельзя так. Я уже, право, жалею, что принес ее вам.

– Полковник! – Губернатор резким движением погасил пахитоску. – А о чем мне говорить, о чем? Вы разве до сих пор не поняли, что меня хотели убить? Не вас, – он ткнул пальцем в сторону начальника сыскной, – а меня! И эта ложка – лишнее тому доказательство. Я ведь не дурак, я понимаю, что это она должна была находиться в руке бросившегося на меня злодея. И если бы это было так, мы бы с вами сейчас не разговаривали... Он жалеет, что принес ее мне! Да это ваша первейшая обязанность – предупреждать меня об опасности!

– Но ведь она не оказалась у него в руке, – Фон Шпинне слегка улыбнулся. Эта улыбка разозлила губернатора. – В этом деле много странного.

– Много странного! – воскликнул граф. – А вот мне так не кажется. В этом деле нет ничего странного, за исключением того, что во вверенном мне государем городе некто пытается меня убить. Вы, полковник, должны были, черт возьми, не с этой ложкой ко мне прийти, а притащить за шиворот тех мерзавцев, которые это все задумали и теперь пытаются осуществить. Я так понимаю, попытки меня убить будут продолжаться. Вы представляете заголовки в газетах, не в наших губернских, это было бы полбеда, а в столичных: «Губернатор Татаяра убит ложкой!» Убит ложкой! У них, мерзавцев, на меня патронов, что ли, не хватило?

– Вы, ваше превосходительство, как будто обижены, что напавший на вас не применил при этом револьвер?

– Да! То есть нет, – губернатор резко замолчал и сощуренными от едкого дыма глазами пристально посмотрел на фон Шпинне. – Полковник, вы что – социалист?

– Нет.

– А мне показалось, что да. Судя по вашему тону, неприятный, знаете ли, тон, вы больше сочувствуете государственному преступнику, чем мне.

– Помилуйте, Иван Аркадьевич, разве я могу?

– Можете, можете! Сидите, небось, и думаете: «Совсем старик умом тронулся». – Граф погрозил фон Шпинне пальцем. – Меня не обманешь, я воробей стреляный и знаю получше вашего, что думают мои подчиненные. И еще я знаю, как в этом деле разобраться...

– Ну, в таком случае я вам не нужен. – Начальник сыскной встал. – Разрешите идти?

– Да сядьте вы! «Разрешите идти?» – передразнил губернатор фон Шпинне и снова потянулся к сигарному ящику. Открыл крышку, но, перехватив взгляд начальника сыскной, захлопнул. – Да, вы правы, поэтому и прошу вас разобраться. У меня, если честно, только и надежда, что на вас.

– А как же охранное отделение, жандармерия?

– Фома Фомич, с вами совершенно невозможно разговаривать. Если такое случится и мне понадобятся дураки, я и без вашей подсказки знаю, где их искать. Вы как нельзя лучше подходите для этого дела. И еще... мне бы хотелось, чтобы это дело было расследовано, как бы это сказать, – губернатор задумался, подбирая слова, – полуофициально...

– Полуофициально?

– Да.

– Хорошо, – кивнул фон Шпинне. – Но прежде, с вашего позволения, я открою окно!

– Ах, да-да, я совсем вас закоптил. Пристрастие, знаете ли, особенно когда нервничаю. Вот вы не подвержены этой колумбовой пагубе, и хорошо.

Отворив окно, Фома Фомич снова уселся в кресло и сказал:

– Мне нужно две недели.

– И за две недели вы разберетесь? – с нотками недоверия в голосе спросил губернатор.

– Боюсь, что нет. Даже скорее всего, что нет, но какие-то выводы сделаю. В любом случае через две недели мы будем знать больше, чем мы знаем сейчас.

– Скажите, полковник, вы полностью уверены в том, что Приволов здесь ни при чем? – спросил как бы между прочим граф.

– В нашем деле полностью уверенным в чем-нибудь или в ком-нибудь быть нельзя, но факты говорят, что он человек скорее случайный. Тем не менее мы будем за ним приглядывать...

– Вот-вот, – закивал губернатор, – приглядывать, нужно приглядывать.

– Не беспокойтесь, ваше превосходительство, мы с казначея глаз не спустим, – заверил губернатора фон Шпинне. – Но вы на нас надейтесь, а сами тоже остерегайтесь.

– Ну что же, через две недели я жду вас здесь, и жду с хорошими новостями. И еще, Фома Фомич, вы как хотите, но ложку эту заберите, я на нее смотреть не могу.

Когда фон Шпинне, спрятав ложку в портфель и простившись с губернатором, уже стоял в дверях, тот остановил его:

– Полковник, не могу взять в толк, как все-таки эта ложка оказалась у вас, ведь, насколько мне припоминается, вы говорили, что Приволов утопил ее?

– Я разве не сказал? Мы подменили ее перед тем, как подбросить казначею.

– Умно!

* * *

Приняв у графского дворецкого шляпу, полковник мельком взглянул на свое отражение в большом зеркале и вышел в сверкающий солнечный день. Постоял на пороге губернаторского особняка, сделал глубокий вдох, со свистом выдохнул, как бы стараясь освободиться от скопившегося внутри дыма графских пахитосок, и кликнул извозчика. Однако садиться в пролетку не стал, только что-то сказал кучеру. Тот понимающе кивнул и, хлестанув лошадь, умчался. Сам же начальник сыскной не спеша пошел вдоль по улице Изрядной, шурясь на яркое солнце и улыбаясь красивым женщинам. «Ну вот, – весело думал полковник, – а в Министерстве внутренних дел убеждали, что город Татаяр самое тихое в империи место, где служба – одно большое удовольствие. Обманули!»

Глава 9

Фома Фомич думает

Две недели для предварительного расследования, которые Фома Фомич запросил у губернатора, – срок огромный и в то же время ничтожно малый. И здесь нет никакого противоречия. Он огромен для губернатора, вынужденного ждать, а в ожидании, как известно, время течет намного медленнее, чем хочется. Для начальника же сыскной этот срок краток и мимолетен, потому что фон Шпинне должен действовать, но перед этим ему нужно найти даже не ответ, а ту едва различимую в густой траве догадок и предположений тропинку, пойдя по которой он, может быть, придет к ответу. А если их, этих тропинок, несколько, и они расходятся во все стороны, и нет никаких указателей, вроде тех сказочных: «Прямо пойдешь, что-нибудь да найдешь!», как тогда быть? Наверное, нужно остановиться и подумать. Вот глядишь, и время прошло.

Поэтому Фома Фомич решил зря времени не терять и остаток дня посвятить размышлениям. Придя на Пехотнокапитанскую, Фома Фомич заперся в своем служебном кабинете. Нет, не в том, в котором он допрашивал городского казначея, а в настоящем, расположенном на втором этаже особняка сыскной полиции. Всех, кто приходил к нему, дежурный заворачивал, шепотом сообщая, что Фома Фомич занят!

О чем же думал, о чем размышлял начальник сыскной, сидя за столом и подперев отяжелевшую голову руками? Он пытался восстановить ход событий, связанных с нападением на губернатора, и в связи с появлением ложки мастера Усова по-другому посмотреть на них. Если это не настоящее с угрозой для жизни нападение, то что это?

«Шутка?» – спрашивал он сам себя и тут же отвечал, что никакая это не шутка. Кто себе может позволить так шутить, тем более с губернатором!

Но если это не шутка, не розыгрыш, то, значит, это все-таки нападение. В таком случае какова его цель? Убийство? Поранить – это да, но убить... только случайно или имея в этом определенный навык.

Но у нападавшего не было никакого опыта убивать людей ложками. Мог такую оплошность допустить хладнокровный расчетливый убийца? Нет! А мог бы он вообще пойти на преступление, тем более на убийство, вооружившись обычной серебряной ложкой? Мог, если бы замысел преступления в том и состоял. Но зачем бросаться на губернатора с обычной ложкой, если, как теперь выяснилось, была другая, стальная и острая? С ума сойти, какая чудовищная путаница.

Ну, тогда спутал, просто спутал ложки. Как если бы рыбак пошел на рыбалку, просто не заметил, что у него нет крючка. Но перед тем как забросить в воду удочку, он должен насадить червя. И вот тут, наконец, выясняется, что крючка нет! Что делает рыбак? Он возвращается домой. А если он, обнаружив, что крючка нет, все же забрасывает удочку? Он кто угодно, но не рыбак! Он только выглядит как рыбак и хочет, чтобы все думали, что он рыбак. И, похоже, ему это удалось.

Итак, все по порядку. Есть некто. Мы не знаем, он один или их несколько. Предположим, что один, назовем его господин Эн. У господина Эн есть причина или ряд причин невзлюбить губернатора. Невзлюбить так сильно, чтобы решиться на нападение. Почему же господин Эн возненавидел губернатора, какие у него были причины на то? Во-первых, потому что он – губернатор, ведь во фразе, которую выкрикнул господин Эн, прямо указывается на то, что граф Можайский занимает чужое, ему не принадлежащее место. Возможно, это место и есть место губернатора? Кстати, сам граф нервничает именно по этому поводу.

А вдруг это место мужа Елены Павловны? Она еще достаточно молода, хороша собой, брак с губернатором – это брак по расчету, вне всяких сомнений. И действия напавшего на губернатора господина Эн по своей необъяснимости напоминают или действия сумасшедшего, или влюбленного. Недурно проверить знакомства Елены Павловны. Возможно, там и кроется ответ на все вопросы.

Так, что еще в поведении господина Эн кажется необычным? Конечно же, его осведомленность. Он знает, когда вернется губернатор, и знает это почти точно. Ведь не мог же он, в самом деле, весь день слоняться у дома, поджидая свою жертву. Ну, а поскольку в течение дня никаких инцидентов возле губернаторского дома не произошло, значит, появился там господин Эн незадолго до возвращения его превосходительства домой.

Кто сообщил время? Тот, кто это время мог знать, а это уже само по себе предполагает сообщника. Но когда закончится карточная игра, сказать трудно, она ведь могла продолжаться всю ночь. Никто не мог знать точного возвращения губернатора, и тем не менее незнакомец появился там вовремя, как будто бы кем-то предупрежденный. Он живет в одном из соседних домов? Нет, в таком случае Щеколдаев, да и кучер, тоже знали бы его в лицо.

А если это кто-то из прислуги? Влюбленный лакей? Это маловероятно, хотя на записку можно взять. И что же тогда остается? Только одно – господин Эн следил за губернатором, ну и делал это не пешком... пролетка? Экипаж может остановиться на Изрядной и простоять там хоть полдня, и никто не обратит на него внимания, в том числе городской. Что же, вполне правдоподобно, нужно будет опросить дежурившего тогда городского на предмет незнакомых экипажей.

* * *

Фома Фомич, долго сидевший истуканом, пошевелился, потер ладонью лоб, до хруста в спине потянулся и вынул из правого верхнего ящика стола толстую, уже изрядно потрепанную тетрадь. Открыл приблизительно на половине и синим, остро отточенным карандашом стал быстро писать. Временами останавливался, приложив тупой конец карандаша к подбородку, смотрел в потолок, говорил вслух: «Так!» – и продолжал писать. Когда были исписаны три страницы, Фома Фомич поставил точку и закрыл тетрадь. Все свои мысли, рассуждения, предположения, будь они даже на первый взгляд глуповатыми и маловероятными, фон Шпинне вносил в тетрадь. И надо сказать, это помогало. Мысли странные, непонятные, вроде бы не к месту пришедшие, не имеющие никакой связи с тем делом, над которым он думал, вдруг через несколько дней, когда он их перечитывал, оказывались самыми правильными и самыми точными, иногда даже ключевыми. Правда, это происходило не со всеми внесенными в тетрадь мыслями. Зачастую записанная глупость так и оставалась глупостью, сколько ее ни перечитывай.

Много еще всего передумал в тот день Фома Фомич. Вспомнил про странную женщину, якобы выбросившую ложку мастера Усова на помойку, подумал, что неплохо было бы найти эту женщину. Но как? Единственный свидетель, способный опознать ее, как сквозь землю провалился. И это тоже было странным.

Человек, обрезавший себе язык острой ложкой, выглядел во всей этой истории каким-то ненастоящим, вымышленным, что ли, как будто и не было его вовсе. Да и вот так взять и обрезать себе язык, случайно, не заметив, что ложка, которую он нашел, острая, – это выглядело как дурной сон, когда и не хочешь что-то делать, но делаешь по какой-то совершенно непонятной причине. Если бы об этом человеке не сказали свидетели, Фома Фомич вряд ли поверил в его существование. Но он был, если верить все тем же свидетелям. Ложка мастера Усова косвенно подтверждает их слова. И был отрезанный язык. Начальник сыскной мало верил людям, но допустить сговор в ночлежном доме он не мог. Бездомные между собой еще могли, но вме-

сте с ними Приволов и повар говорят об одном и том же, а это само по себе исключает всякий сговор. Да к тому же у любого сговора есть причина. Какая же здесь выгода? Возможно, она есть, но ее пока не видно.

Стало смеркаться, нужно было решать, с чего начинать расследование. И Фома Фомич решил, поставив в центр всего ложку мастера Усова, начинать именно с нее. Вещица приметная, да и человек, ее изготовивший, тоже с руками.

Он что-то еще дописал в свою секретную тетрадь, захлопнул и спрятал под ключ. После чего, откинувшись на спинку стула, тяжело вздохнул. Конец этого дня был всего лишь началом следующего.

Глава 10

Володя Мясников

Нотариальный переписчик Володя Мясников – молодой человек девятнадцати с половиной лет, только еще нащупывающий ногами свою жизненную дорогу, мечтающий о классном чине и молодой особе, живущей по соседству, имя которой, дабы не смущать нашего переписчика, мы называть не будем.

Володя был человеком мечтательным, зачитывался романами Стивенсона и иногда после службы заходил в трактир Клокова. В тот вечер, о котором мы хотим рассказать, Володя и приятель его, такой же переписчик, зашли в уже упомянутый нами трактир Клокова. Спросили пару чая, небольшую вязанку калужских баранок и, примостившись в уголке, стали наблюдать.

Тут, ежели прислушаться, чего только не услышишь: и стишок с настоящими словами, и анекдот про генерал-губернатора и про то, что у попады есть, а у попа нету, и какое у царя исподнее, все узнаешь, только уши отверзай.

Но самое-то счастье для приятелей тогда было, когда драка случалась. «Гладиаторские бои» – как говаривал Пакин. Шум, гам! В чаду, дыму махорочном не разберешь, что да как. Нет, это не посуда бьется, это морда чья-то под кулак попала. «Ах, мать вашу... Так вы так?» С хрипом, чахоточным кашлем рвется на груди бязевая рубаша, распадается на две половины, обнажает грудь страшную, шерстистую. Оторвавшаяся пуговка катится по столу. «Ах, леший его возьми! Тикаем, Минька!» «Куда? – орет заросшая бородой и усами дыра. – Мы ишо не усе другу дружке сказали!» Столы, лавки на дыбы, все в одну кучу! Шире круг! «Ну, держись, паскуда!» И пошла забава молодецкая.

Правда, такое было не каждый день. Вот и в тот раз, о котором рассказываем, драки в трактире не случилось. Все было как-то скучно и лениво мирно. Кто и был зол, так это трактирные мухи. Ошалевшие от винных испарений, они лезли в глаза, в рот, в нос, только успевай отгонять. Надо заметить, что в трактире Клокова борьба с мухами вообще не велась, зато баранки стоили намного дешевле, чем в других местах.

Скучающие приятели попили чайку вприкуску с баранками да и засобирались по домам. Но тут в трактир решительным шагом вошел строго одетый человек, огляделся, подошел к буфетчику и, протягивая какую-то бумажку, сказал:

– Повесь тут у себя! Да посматривай, чтобы пьянь какая не сорвала.

Человек ушел, а буфетчик, вынув из-под прилавка молоток и взяв гвозди, пошел и прибил бумажку к стене. Только после этого медленно, открывая и закрывая рот, прочел, что в ней написано. Постоял, подумал и, махнув рукой, снова ушел за прилавком. Посетители трактира отнеслись к этому факту без любопытства – все, за исключением наших приятелей. Они сразу же, не сговариваясь, метнулись к бумажке. Приятель читал вслух, а Володька слушал. И вот что там было написано:

«Такого-то дни, такого-то часу, ушел из дому и более в него не возвращался мастер Усов. Людей, что-либо, может быть, знающих о месте его теперешнего пребывания, большая просьба сообщить за достаточное вознаграждение на улицу Пехотного Капитана, дом такой-то, спросить Кочкина».

– Странное объявление, – закончив чтение, сказал Пакин.

– Почему странное? Объявление как объявление, – задумчиво возразил ему Володя.

– А вот и странное! – повысил голос Пакин.

Надо заметить, что приятель Володи был малость вспыльчив и возражений не терпел.

– Ну что в нем странного, что? – настаивал на своем Володя.

– Я таких объявлений знаешь сколько прочел?

– Ну, много, наверное.

– Да не наверно, а много!

– Ну, ты все равно объясни, что в нем странного.

– Имени нет, отчества нет, примет, каков этот мастер Усов из себя, тоже нет! Ну, и встречу я, к примеру, какого-нибудь Усова. Как узнать, тот это Усов или другой?

– Верно, – проговорил Володя, впадая в еще большую задумчивость, – а достаточное вознаграждение, ты думаешь, это много?

– Достаточное вознаграждение, – ответил Пакин, глядя на Володю несколько свысока, – это немного, но достаточно! – Сказал и прыснул со смеху, самому понравилось, как закаламбурил.

– А улица Пехотного Капитана – это где?

– Тебе-то зачем, верно знаешь, где мастера Усова искать?

– Может быть, и знаю!

На том, обменявшись любезностями, приятели и расстались. Возле своей калитки Володя остановился, постоял в задумчивости, затем резко махнул рукой и, развернувшись, быстрым шагом пошел в обратном направлении.

– Никак забыл чего? – вопросительно уставился на него буфетчик, когда Володя переступил порог трактира.

– А где улица Пехотного Капитана, где она находится?

– Пехотнокапитанская? – поскреб у себя в бороде буфетчик. – Как же тебе половчее-то растолковать... можно по Тужилкинской идти, но это дольше будет. А можно и напрямую, ты знаешь, где старые конезаводские амбары стоят, вот до них дойдешь, там мосток хлипенький, перемахнешь мосток, за ним взгорочек, но ты на взгорочек этот не карабкайся, а возьми правее и как раз носом в проулок встрянешь. Он тебя на Пехотнокапитанскую и выведет.

– Спасибо, – поблагодарил Мясников буфетчика и пошел к выходу, глядь, а объявления-то уж и нету – сорвали!

– А тебе зачем Пехотнокапитанская? – крикнул ему вслед буфетчик.

– Надо, – буркнул в ответ Володя и толкнул дверь.

– То-то, надо! Всем чего-то да надо, одному мне ничего не надо, – ворчал после ухода Мясникова буфетчик. Еще в старину замечено было иностранными путешественниками, которые с большими трудами, но все же колесили по Руси, что русский человек при всех достоинствах, коих у него не счесть, имеет и некоторые недостатки, к которым относятся: мрачная унылость, невеселость и пасмурность характера. И наиболее мрачными из всех попадавшихся на пути русских людей иностранные путешественники в первую очередь называли хозяев трактирных кабаков, словом – буфетчиков.

Через четверть часа, а может, и того не прошло, Володя Мясников шел по Пехотнокапитанской и выглядывал нужный дом. А вот и он! Каменный. Дверь под лаком. А ручка-то, ручка... Хотел постучать, но лишь коснулся, дверь, как в сказке, сама и отворилась. Пришлось войти: «Здравствуйте!»

Глава 11

След мастера Усова

Фома Фомич положил сахар в чай, не спеша размешал, ударил ложечкой о край стакана и задумался. Жизнь потихоньку превращалась в кошмар. Он не мог попить чай или пообедать, чтобы взгляд не наткнулся на ложку, ведь нельзя же, в самом деле, без столовых приборов поесть. И только видел ложку, мысль снова возвращала его к мастеру Усову.

Как выяснил Фома Фомич, с ложкой в русском быту связано много всяких поверий, он прочел об этом в календаре Врагова за 1857 год. Если есть человек, то у него обязательно должна быть и ложка, а если ее нет, то нет и человека. А вот изготовить из ложки оружие, на это нужен особо изощренный ум.

Откусив от макового рогалика, фон Шпинне принялся машинально пережевывать и запивать чаем. Ложечку он держал перед глазами, вертел, всматривался в незамысловатый узор, клал на блюдце, снова брал в руки. В русских поверьях говорилось, что ни в коем случае нельзя ложку класть на стол выемкой вверх, потому что умрешь с открытыми глазами и ртом. И тут же приводился другой забобон, что, напротив, нельзя ложку класть выемкой вниз, потому что покойники перевернутся в гробах. Получалось, что ложку нужно было, во-первых, никогда не выпускать из рук, а во-вторых, всегда держать строго вертикально, что само по себе невозможно, ведь человек, кроме этого, должен еще чем-то заниматься. Например, искать мастера Усова.

Тут в дверь постучали.

– Да!

Это был дежурный, он доложил, что внизу стоит молодой человек и утверждает, будто бы знает, где искать мастера Усова. Начальник сыскной, в мгновение свернув свое чаепитие, велел немедленно привести к нему этого молодого человека.

Сегодня утром Фома Фомич распорядился расклеить в публичных местах объявления о розыске без вести пропавшего мастера Усова. Очевидно, сработало одно из них.

Небольшими осторожными шажками Володя вошел в кабинет начальника сыскной и боязливо остановился у дверей. Ему уже объяснили внизу, куда он попал. Взгляд его, как влетевшая в комнату птица, метался по кабинету: на подоконник, с него на шторы, оттуда на шкафы, прыг на стол, со стола бегом по стульям и остановился на стоящей в углу несгораемой кассе.

– Это вы Кочкин? – спросил Володя, прижимая картуз обеими руками к груди и не сводя при этом взгляда с металлического ящика. Он не мог заставить себя посмотреть на того, кто сидел за столом. Робел. Начальник сыскной понимал это и поэтому как можно более дружелюбным тоном ответил:

– Нет, я не Кочкин.

– Ну, тогда я пойду, мне Кочкин нужен был.

– Стоило ноги утруждать, чтобы сразу же и уходить? Я не Кочкин, верно, но это не меняет дела. Все, что вы намеревались сказать Кочкину, скажите мне, мы с Меркурием Фролычем большие приятели. Он, думаю, не обидится ни на вас, ни на меня... Да вы не стойте, молодой человек, присаживайтесь. Вот и стул уж для вас приготовлен. В ногах-то, как ни крути, а правды нету. Фуражечку вон туда повесить можно...

Молодой человек вначале скользнул взглядом по лицу начальника сыскной, затем взглянул украдкой, а после этого стал рассматривать в открытую и в глубине души даже удивился нормальности этого лица. Начальник сыскной полиции, как оказалось, тоже человек.

– Ну-с, друг мой, – душевно начал фон Шпинне после того, как его гость, нанизав на рога-тую вешалку свой картуз, уселся на предложенный стул, – и что же вы намереваетесь сообщить господину Кочкину о так называемом мастере Усове? Вы ведь о нем пришли рассказать или я ошибаюсь?

– Да, о нем, – тонким голосом подтвердил юный посетитель, в глазах которого метался вопрос: «А не зря ли я сюда пришел?»

Фон Шпинне понял это мгновенно и сразу же сменил тактику:

– Но прежде чем вы сообщите мне то, что намереваетесь, я хотел бы узнать ваше имя, ведь должен же я как-то к вам обращаться.

– Володя, – назвал себя молодой человек, но через мгновение поправился: – Владимир.

– Владимир, владеющий миром, из всех русских имен мне это нравится больше всего. Помню, в детстве, как я завидовал своим сверстникам, носящим это великое имя, как удивлялся их непониманию своего счастливого удела, ну да дело прошлое. Меня зовут Фома Фомич. Помните, был такой евангельский Фома, Фома-неверующий, а я, получается, неверующий два раза. Итак, Владимир, что же мастер Усов, где нам его искать?

Видя, что молодой человек смущен и не решается начать, полковник предупредительно заметил:

– Можете не торопиться, дело это непростое, нужно собраться с мыслями, вас легко понять. К тому же в полиции, наверное, впервые. Или я ошибаюсь?

– Впервые, – кивнул Володя и, шумно выдохнув, начал говорить о деле: – Видите ли, меня там внизу, – он мотнул головой, – не совсем верно поняли...

– Вы хотите сказать, что не знаете, где искать мастера Усова?

– Да!

– Зачем же вы пришли? – В тоне Фомы Фомича не было раздражения, он спрашивал мягко, по-отечески.

– Понимаете, я прочел объявление о том, что разыскивается мастер Усов, там, в трактире у Клокова. Потом его, объявление это, сорвали. Я не знаю, кто сорвал, ну это неважно, хотя, может быть, для вас...

– Для нас это тоже неважно, продолжайте.

– Я вспомнил... – Володя замолчал.

– Что вспомнили?

– Я вспомнил... история, правда, не очень... и я там не лучшим образом...

– И тем не менее мне хотелось бы ее услышать.

– Очень некрасиво получилось, я совершенно случайно, поверьте, сам того не желая, подслушал разговор...

– Подслушивать – это скверно, – проговорил начальник сыскной несколько назидательным тоном, но улыбка его при этом стала еще шире, а глаза заблестели.

– Я тоже так считаю, поэтому мне очень неприятно не то что говорить, даже думать об этом.

– Ну, ну, молодой человек, не терзайте себя, и я вам верю, произошло совершенно случайно. – Итак, о чем был случайно подслушанный вами разговор?

– О мастере Усове.

– О мастере Усове? Это интересно, это очень интересно. Так-так, а позвольте поинтересоваться, кто говорил о мастере Усове, чью беседу вы подслушали?

– Моего дедушки, да это и не совсем беседа...

– Не совсем беседа? Как вас понимать: не совсем беседа? – насторожился фон Шпинне, с самого начала подозревающий: что-то здесь не то, не зря же мальчишка виляет.

– Понимаете, я живу с матерью и дедом. Отец умер, когда мне было десять лет...

– Сочувствую, – кивнул Фома Фомич.

- И дед, он мне заменил отца, хоть немного и не в себе...
- Как это понять, «не в себе»?
- Он душевнобольной.

Нет, улыбка не сошла с лица Фомы Фомича и брови остались так же благостно изогнуты, только по-неживому стеклянно сверкнули глаза на мгновение, но этого было достаточно, чтобы понять – начальник сыскной недоволен.

– Дедушка, он немногословен и поэтому, наверное, разговаривает во сне, а я, – Володя вздохнул, – подслушал!

Трудно сказать, что произошло, но Володя, неожиданно для начальника сыскной, да, наверное, и для самого себя, пустив обильную слезу, признался в том, что подслушивал, о чем говорит его дедушка во сне, не случайно.

История была древняя как мир. Оказалось, что у старика имелись сбережения, которые он где-то спрятал, а вот где спрятал, забыл. Разумеется, ни невестка, мать Володи, ни сам внук деду не верили, подозревая, что старик все помнит, а не говорит исключительно от жадности. Да и как, как можно забыть, где спрятаны деньги? Для их еще не тронутых склерозом мозгов это было невероятным. Ну, а поскольку дедушка, как было известно матери с сыном, болтал во сне, появилась мысль устроить в маленьком пыльном чуланчике, примыкающем к комнате деда, подслушивающий пункт, в надежде, что старый человек во сне проболтается. Но, по всей вероятности, старик действительно забыл, где спрятал свои сбережения, разумеется, если они у него были. Поэтому-то Володя, а это ответственное дело было поручено именно ему, прикладывая ухо к загодя проделанному в фанерной перегородке отверстию, услышал вовсе не то, что хотел. Старик говорил о каком-то мастере Усове. Разумеется, молодой человек не придавал никакого значения этому бреду спящего полоумного деда. Забыл. И вспомнил лишь после прочтения в клоковском трактуре объявления о розыске.

- Он точно назвал фамилию Усов? – спросил фон Шпинне.
- Да, и не просто Усов, он говорил «мастер Усов», это и заставило меня к вам прийти.
- Скажите, пожалуйста, Владимир, вы же не один раз подслушивали своего деда?
- Мне стыдно в этом признаться, но не один.
- А вам никогда не приходило в голову, что у вашего дедушки просто-напросто нет денег, которые он мог спрятать?
- Да что вы, что вы, – отмахнулся Володя, – как это нет денег? Есть! Мы точно знаем.
- Ну, хорошо, с этим понятно. Теперь вернемся к мастеру Усову. Сколько раз дед упоминал о нем?
- Да каждую ночь только и говорит, что об этом мастере Усове.
- И что же он о нем говорит?
- Вы знаете, совершеннейшая абракадабра. Какая-то деревня, кто-то должен туда ехать, находить там Усова, у которого есть ложка...
- Он говорил, что у Усова есть ложка? – заинтересовался Фома Фомич. Это удивило молодого человека.
- Да! – ответил он. – А у кого нынче нет ложки, без ложки-то и не проживешь.
- Справедливо, – согласился фон Шпинне. – Знаете, Владимир, то, что вы мне рассказали, очень и очень занятно, но хотелось бы послушать вашего дедушку непосредственно, вы понимаете меня? – С едва заметным кивком фон Шпинне подался вперед.
- То есть вы сами хотите его подслушать?
- Ну, если вам угодно это так назвать, то да, я хотел бы его подслушать.
- Ну, я не знаю, как маменька... дозволит, она у меня строгая.
- Маменька может не позволить? – засмеялся начальник сыскной. – Я думаю, мы ее уговорим.

Фома Фомич записал адрес Володи Мясникова и, пожав ему руку, отпустил домой. Володя с неохотой встал, снял с вешалки картуз, делая это крайне медленно, словно ждал чего-то. Начальник сыскной знал, почему не торопится, почему мнется его посетитель, но виду не подавал. Уже стоя в дверях, Володя наконец-то решился на вопрос:

– А можно поинтересоваться?

– Разумеется, – Фон Шпинне уставился на него ясными глазами.

– Там в объявлении, ну у Клокова в трактире, которое... – Володя запнулся. Нет, все-таки непросто, ох как непросто говорить о деньгах, особенно с тем, кто смотрит на тебя таким вот открытым и доверительным взглядом.

– Так что там в объявлении?

– Вознаграждение, – едва слышно промямлил Володя.

– Ничего не могу разобрать, говорите громче, что в объявлении?

– Вознаграждение, – повторил с большей силой Володя.

– Вознаграждение? Какое вознаграждение? – Фон Шпинне озабоченно наморщил лоб и поднял подбородок, а в голос добавил чуть-чуть металла. – О каком вознаграждении вы говорите?

– Ну, там, в объявлении, за сведения... – Володя находился в таком состоянии, что, будь у него деньги, сам бы заплатил, чтобы только быстрее покинуть этот кабинет. – Я так, я пойду!

– Ах, вознаграждение, ну как же я мог забыть! Спасибо, что вы мне напомнили. Увы, всего в голове не удержать. Да, да, вам полагается награда, но получите вы ее тогда, когда мы послушаем, что говорит во сне ваш дедушка. Понимаете меня?

– А когда вы будете слушать?

– Хотелось бы, конечно, пораньше, но ваша маменька... Нужно будет время, чтобы сговориться с ней.

– А если я сам сговорюсь?

– Ну, когда вы сговоритесь, мы приедем и послушаем.

– А давайте завтра?

– Давайте завтра. Вы подойдете сюда в это же время, и мы отправимся к вам домой. Ваш дедушка как, рано спать ложится?

– Спать-то он рано ложится, не засыпает долго, – ответил Володя.

– Подождем, – сказал фон Шпинне. – Нам торопиться некуда.

После того как Володя Мясников наконец-то ушел, Фома Фомич велел дежурному при-
слать чиновника особых поручений Кочкина Меркурия Фролыча и вернулся к своему уже
давно остывшему чаю.

Глава 12

Поручение

Через десять минут перед полковником фон Шпинне сидел, закинув ногу на ногу, суховатый, небрежно одетый человек лет тридцати пяти. Меркурий Фролыч Кочкин – чиновник особых поручений при начальнике губернской сыскной полиции, так звали этого человека и так официально называлась его должность. Сам же фон Шпинне именовал его не иначе как своим стратегическим помощником. И это была, хоть и высказанная с некоторой долей иронии, чистейшая правда. Ведь многие блестяще расследованные Фомой Фомичом дела, которые мы еще опишем в наших следующих рассказах, без чиновника особых поручений Кочкина, кто знает, может быть, и не имели бы таких во всех отношениях блистательных финалов. Но это, разумеется, ни в коем случае не должно умалять заслуг самого полковника фон Шпинне. Его вклад в расследования был, конечно же, несопоставимо большим и решающим.

Для того чтобы набросать портрет нового персонажа, нам не понадобятся возвышенные и тем более высокопарные слова. Оставим их поэтам-символистам, возьмем простые и заурядные: низкорослый, ничем не примечательный, ну, может, нос чуть длинноват, а может быть, и нет. Лицо простое и такое бесхитростное, что где-то даже эта бесхитростность граничила с глупостью. Голубовато-серые, слегка мешковатые от недосыпа глаза смотрели на собеседника с ленивой мутненькой. Щеки впалые, в мелкую, как маковое семя, крапинку, и не разобрать – не то оспинки, не то веснушки.

Глядя на чиновника особых поручений со стороны, нельзя было сказать, что он какой-нибудь ловкач или проныра. Первое, что приходило в голову, – посредственный, никчемный человечешка. Но то, что мы описываем, была всего лишь оболочка, внутри которой находился совсем-совсем другой человек, надежно спрятанный под маскарадной, скоморошьей личиной простака. Есть такой тип людей, о котором в народе говорят, что они, даже не прибегая к помощи мыла, могут забраться куда угодно, в места крайне недоступные. Вот к такому типу относился Меркурий Фролыч Кочкин. Но в том и была главная сила чиновника особых поручений. Были и другие, о которых мы обязательно расскажем, но чуть позже.

– Безумная затея с объявлениями о розыске мастера Усова, в это трудно поверить, но принесла плоды. – Фома Фомич встал из-за стола, обошел и сел возле Кочкина на свободный стул. – Сейчас ко мне приходил некто Мясников Владимир, презанятный молодой человек. Рассказал, что живет с маменькой и сумасшедшим дедом в своем доме на Новоселовской улице. И вот он, этот Володя Мясников, утверждает, что его дед, разговаривая во сне, упоминает мастера Усова...

– Врет, – бросил Кочкин, обнаруживая тихий вкрадчивый голос.

– Отчего же такая поспешность, Меркуша?

– Прочел объявление, там сказано о вознаграждении, вот и вздумалось получить, сами говорите – молодой. Я в молодости тоже, бывало, фантазировал, правда, без надежды получить награду.

– Он и не отрицает, что пришел исключительно из-за денег.

– Вот видите, врёт!

– Однако имеется еще кое-что. С его слов, дед говорит не только о мастере Усове, но еще и о какой-то ложке, – заметил Фома Фомич.

– Это тоже можно объяснить. По городу ходят слухи о какой-то острой ложке, об отрезанном языке. Вадягин вот, репортер из «Губернского патриота», бродит здесь возле сыскной, околачивается, все выпрашивает, правда ли, что люди говорят. На меня два раза нападал с блокнотом. Ну а что, этот Мясников в другом месте живет, ну и он наверняка о ложке

слышал... Дед его, – Кочкин повертел пальцем у виска, – может быть, и у внука в голове поют сверчки. Яблоко от яблони если и упадет, то недалеко.

– Может быть, ты и прав, – кивнул фон Шпинне, – и все это выдумки, но мы с тобой служим в полиции, и, как бы там ни было, нужно проверить.

– Как?

– Завтра вечером сюда в сыскную придет внук Мясникова, поедешь с ним...

– Куда?

– К нему домой, и сам послушаешь, что говорит во сне Мясников-старший.

– Авантюра!

– Да, это авантюра, как, впрочем, и вся наша жизнь. И вообще, если попристальнее всмотреться в дело о нападении на губернатора... Не стоит ухмыляться, это было нападение, странное – согласен, но нападение. Так вот, если хорошенько всмотреться, да еще припомнить острую ложку, отрезанный язык, то известие о том, что какой-то сумасшедший старик во сне говорит о мастере Усове, не кажется чем-то невозможным. Просто это еще одно звено в цепочке непонятностей, и оно может оказаться связующим. Ну, да что я тебя уговариваю, ты без меня все понимаешь. Дело решенное, нужно поехать и послушать. Сыщик – это скептик, он все подвергает сомнению, все проверяет и перепроверяет.

Глава 13

Старик Мясников

Следующим вечером Володя Мясников явился в сыскную в приподнятом настроении. С порога заявил, что препятствие в виде его матери само собой устранилось.

– Что-нибудь случилось с вашей маменькой? – спросил Фома Фомич.

– Да нет, здорова, слава богу. Решила сегодня сходить к полуношной, никогда не ходила, а тут бац! И как удачно, – не проговорил, пропел Володя.

– И до которого часа ее не будет? – поинтересовался фон Шпинне. Его всегда настораживали удачные стечения обстоятельств.

– Да почитай что до утра.

– Замечательно. Ну, тогда к делу. Вот, Владимир, знакомьтесь, Меркурий Фролыч Кочкин, мой помощник. – Фон Шпинне указал на тихо сидящего в уголке чиновника особых поручений, которого Володя сразу не приметил. – Он поедет с вами.

Кочкин встал и поклонился.

– А вы?

– Думаю, что не стоит устраивать в вашем доме толкотню, дело-то наше секретное, много людей ни к чему, Меркурия Фролыча будет достаточно. Человек он опытный, вы ему только покажите, где и что, а там уж он сам. И последнее, Владимир, то, что касается вознаграждения. Вы должны знать, если Меркурий Фролыч не услышит ничего из того, что вы мне вчера рассказали, мы вам не заплатим! Таковы правила.

– Понимаю. – кивнул Володя.

* * *

В темном, пропахшем мышиным пометом чуланчике, привалясь к деревянной перегородке, сидели двое и, затаив дыхание, прислушивались к тому, что происходило в соседней комнате. Там кто-то ходил, громко топая сапогами, покашливая и поругиваясь. Затем раздался звук отодвигаемого стула, и что-то жалобно заскрипело.

– Это он на кровать сел, – раздался в темноте голос Володи Мясникова. – Сапоги снял, – заметил он после того, как из-за перегородки что-то грохнуло вначале один раз, потом второй. – Все, лег, теперь подождать придется. Бывает, сразу засыпает, а бывает, полночи крутится, и не знаешь, клопы донимают или просто не спится.

Кочкин, а вторым в чулане был именно он, на все произнесенное Володей не сказал ни слова, но и не прервал – пусть болтает.

– Меркурий Фролыч, а Меркурий Фролыч, – позвал Мясников-внук.

– Чего?

– Там с вашей стороны, если поискать, в стенке палочка торчит.

– Ну, торчит, – на шарив рукой, проговорил Кочкин.

– Она дырочку в стене затыкает, выньте ее, и можно будет посмотреть, спит дед или нет.

Поворачивая влево-вправо, Кочкин вынул из стены чопик и заглянул в отверстие. Там, едва освещенный коптящим пламенем прикрученной лампы, лежал на кровати Володин дед. Из-под лоскутного одеяла были видны только остроносая с открытым тяжело дышащим ртом голова старика да крючковатые, вцепившиеся в край покрывала пальцы обеих рук. Старик спал. Но спал странно, тревожно: охал, вздрагивал, лягался ногами.

– Ну, что там? – спросил Володя и, не дожидаясь ответа, сам заглянул в отверстие. – Спит. Теперь слушайте!

– Слушаю, слушаю, – успокоил его Кочкин. Он с самого начала относился к этой затее не очень серьезно и мечтал об одном: поскорее выбраться из этого вонючего ящика и отправиться домой спать.

А время между тем шло. Старик Мясников ерзал на своей кровати, но ни единого слова не произнес. Кочкин стал позевывать, посмотрел слипающимся глазом еще раз в отверстие, там все было по-прежнему, и задремал. Однако окончательно провалиться в глубокий сон ему помешал злой шипящий голос, непонятно откуда доносившийся.

– Ты слышишь меня? – спрашивал этот голос, и так громко, что дрожала перегородка.

Застигнутый врасплох Кочкин, неприятно сознаваясь, чуть было не ответил: «Слышу!» Это слово уже легло на его язык скользким вертким леденцом, только зубы разожми, и вот оно на свободе. Но сдержался, вспомнил, где сидит, да тут еще внук Мясников из своего угла отозвался:

– Ну вот, началось!

Кочкин же медленно, точно опасаясь какой пакости, прижался глазом к отверстию, а там – чудеса. Лампа ярко горит. Спустив ноги на пол, сидит на кровати старик, нательная рубаха белая как снег, а сам тощий, страшный и все взывает к кому-то злым голосом:

– Ты слышишь меня, ты слышишь? Ответь, раб! – А у самого-то глаза, как у покойника, – закрытые, лицо деревянное, только рот открывается как на резинке. И хоть не робкого десятка был чиновник особых поручений, а заробел, пробежал озноб по телу, и закололо в том боку, где, по утверждению медиков, находится печень. «Хорошо, что темно! – мелькнуло в голове у Кочкина. – Неприятно было бы страх перед подростком выказать!» А старик все зовет да зовет кого-то. Сотрясается, гудит перегородка, и уже сил нет слушать этот сатанинский вой, как вдруг старик сам же и отвечает на свой вопрос, но уже другим голосом, помягче и попугливее:

– Слышу!

– Ты знаешь, кто я такой? – снова злое шипение.

– Знаю...

– И кто же я, говори!

– Ты за правду обвиненный, за правду осужденный и за правду казненный!

– Ты веришь в меня?

– Верю!

– Ты сослужишь мне службу?

– Сослужу, приказывай!

– Пойдешь в деревню Костры, отыщешь там мастера Усова, он живет в доме на краю, возьмешь у него ложку и принесешь мне!

– Зачем тебе ложка?

– Обронил я свою, а самозванец подобрал и отдавать не хочет!

Проговорив это все, старик лег и затих, но лишь на мгновение. После чего снова сел, теперь глаза его были открыты. Он повертел головой и уставился как раз в то место, где в стене было отверстие, в которое смотрел Кочкин.

– Володька, сила тошная, опять, подызбеныш ты этакой, в чулане сидишь! – прокричал дед, а Кочкина словно кто торцом в лоб саданул, так голова назад откинулась от неожиданности, что в шее заломило.

– Так он знает, что ты его подслушиваешь? – шепотом спросил Меркурий Фролыч у Володи.

– Ну, знает, – ответил тот и добавил: – Пусть себе знает, а нам выбираться пора.

– Ты с кем там, шельмец, разговариваешь? – снова прокричал дед.

– Давайте побыстрее, я вперед, а вы следом, – заторопил Кочкина Володя. – А то он не уймется, так и будет до утра орать.

Когда Володя вывел чиновника особых поручений за ворота, стояла уже глубокая ночь. Улица была пустынна и темна. Со стороны реки тянуло свежестью и слышны были тихие всплески, рыба играла в затоне. Из темноты доносился далекий крик ночной птицы.

– Чего-то вашей пролетки не видать, не случилось бы чего, у нас тут места беспокойные, подлеты пошаливают... – проговорил, озираясь, Мясников.

– Володя, – тихо обратился к нему Кочкин. – Пролетка – это пустое, отыщется. Вы мне вот что скажите: ваш дедушка, он когда-нибудь упоминал о мастере Усове просто так, не во сне?

– Нет, – решительно мотнул головой Володя. – Не говорил, по крайней мере, я не слышал. Может быть, маменька...

– А среди ваших знакомых есть или были люди с фамилией Усов?

– Нет, но у деда, кто знает, может, и были. Ему все-таки семьдесят восемь лет.

– Мне известно, вы не один раз сидели в чулане. Как часто ваш дед упоминал об Усове?

– Да всякий раз, как я его... – Володя запнулся, – как я его подслушивал.

– Менялись ли раз от разу слова, которые он произносил, или они повторялись, как заученный урок?

– Вот-вот, как заученный урок, нас в гимназии стихи заставляли учить на память, а потом пересказывать, так и у него!

– С одним отличием, правда, – заметил Кочкин.

– Это с каким же?

– Кто вас в гимназии заставлял учить стихи?

– Учитель словесности...

– Вот, а кто заставил вашего дедушку выучить то, что он повторяет по ночам, кто? Вряд ли это был учитель словесности. Припомните, за последние, ну, скажем, полгода с кем общался ваш дедушка?

– Ну, так сразу я, наверное...

– Нет, нет, – остановил его Кочкин, – вы меня не дослушали, у вас будет время: три-четыре дня, а потом мы с вами встретимся, и вы предоставите мне список. Договорились?

– Договорились. А вознаграждение как же, ведь дед сказал про мастера Усова! Ваш начальник обещались.

– Вот составите список, и будет вам вознаграждение, об этом не стоит беспокоиться, мы слово держим. А теперь, Владимир, время позднее, русалочий час настает, пора прощаться. Ну, будьте здоровы! – С этими словами Кочкин пожал руку Володи, и тот чуть не вскрикнул от боли, так сильна была хватка у чиновника особых поручений.

– И не забудьте, Владимир, список! – уже из мрака донесли до Мясникова слова Кочкина.

– Не забуду, – проворчал тот себе под нос. Володя был недоволен. Ему почему-то казалось, что с ним рассчитаются сразу же и дадут ну никак не меньше пятидесяти рублей. Ведь он так и не решился поинтересоваться у Фомы Фомича о сумме вознаграждения. И вот теперь только тем и занимался, что перебирал в голове цифры. На ум приходили даже такие суммы, которые можно было смело назвать дикими. Володя не считал себя сумасшедшим. Он понимал, что тысячу рублей ему никто не заплатит, но не мог изгнать из своего рассудка сонмище фантазий. Он уже знал, какой рукой возьмет деньги, в какой карман опустит, где, принеся домой, спрячет и как потом распорядится ими. Вначале он хотел всю сумму передать маменьке, сказав при этом какие-нибудь подходящие моменту слова. Но, подумав, решил, что это, пожалуй, будет слишком. Достаточно отдать маменьке и половину предполагаемой суммы, что тоже прилично. Вскорости и половина стала выглядеть чрезмерно, и он понемногу склонился к четверти. Да, четверть как раз та часть, отдать которую не жалко и не стыдно. Наступил теплый майский вечер и обострил память нашего переписчика. Он вспомнил про библейскую деся-

тину. А потом, можно ведь и не деньгами отдать, а купить гостинец: фунт пряников или мыло с запахом сирени. А еще лучше, чтобы память осталась! Купить какую-нибудь полезную вещь. На Булаховском рынке татары глиняные свистки продают, наберешь в него воды и давай трели выводить... Правда, у ракитового звук получше будет, тоньше, жалостливее, да его и покупать не надо, можно сделать самому. А если и сломается, то не жалко, ведь деньги не трачены. Так Володя и решил: свисток сделать самому, если будет время и подходящий материал, что же касемо денег, то он их спрячет.

Глава 14

Поездка в деревню Костры

– Занятно, очень занятно, – сказал Фома Фомич после того, как Кочкин на следующее утро доложил ему о своем бдении в мясниковском чулане. – Губернатор, мастер Усов, старик Мясников, что может быть у них общего? Ничего. Но тем не менее они связаны друг с другом, и связывает их острая ложка... Высший государственный сановник, мифический мастер Усов и сумасшедший старик – хороша компания, нечего сказать.

Наклонившись над столом, Фома Фомич задумался.

– Что мы будем делать? – спросил Кочкин и сам же предложил: – Может быть, поговорить со стариком и задать ему прямой вопрос? Откуда он знает мастера Усова?

– Поговорить-то можно, но я думаю, он нам ничего не скажет или скажет, что о мастере Усове слышит впервые. И это, скорее всего, правда. А то еще наврет чего, не надо забывать, что он душевнобольной, хотя об этой болезни нужно будет спросить у докторов.

– Как же тогда быть?

– Из всего сказанного стариком имеется одно упоминание, которое может представлять для нас практический интерес. Он назвал деревню Костры, в которой якобы проживает интересующий нас с тобой мастер Усов...

– Называл, – согласился Кочкин.

– Ну, так вот, в семнадцати верстах от города есть деревня с таким названием.

– И где же деревня, в какой стороне?

Фома Фомич взял в руки карандаш, поводил тупым концом по разноцветным прожилкам карты и указал в маленький, едва различимый кружочек:

– Вот, по Гатчинской дороге деревня Костры.

– Возможно, старик Мясников оттуда родом, – предположил не совсем уверенным голосом Кочкин.

Начальник сыскной вскинул на него глаза и, постукивая себя карандашом по указательному пальцу руки, заметил:

– Наш юный друг Володя сказал бы, если бы это было так, но он и словом не обмолвился. А знаешь почему?

– Почему?

– Потому, что деревня Костры для него все равно что тридевятое царство. Ведь сказанное стариком напоминает начало какой-то сказки. Все, что говорит старик, с ним самим никоим образом не связано. Это чужие слова, он просто повторяет их... Пока нас ждет деревня Костры! Все свое внимание мы обратим сюда! – Сказавши это, фон Шпинне иксообразно перечеркнул на карте маленький кружочек.

– И как же мы это сделаем? – с некоторой обреченностью в голосе спросил Меркурий – он догадывался, куда клонит начальник сыскной.

– Очень просто! – улыбнулся на его вопрос фон Шпинне. – Ты же знаешь, Меркуша, как я ценю тебя, как доверяю тебе и как обстоит дело с толковыми агентами...

На каждое «как» Меркурий уныло кивал головой.

– В Костры придется ехать мне? Хотя зачем я спрашиваю, это и так понятно.

– Ну, если понятно, то чего тянуть, собирайся и отправляйся. Сейчас выедешь, – Фома Фомич достал из жилетного кармана часы и сощуренным глазом посмотрел на них, – к вечеру будешь на месте. Порасспрашиваешь там, а следующим утром – назад. Семнадцать верст – это ведь не ахти даль какая.

– Смотря по дороге, – возразил Меркурий, – бывает и пути-то всего верста, так грязи под самые подмышки, вот и ползешь червем весь день...

– Какая грязь, сушь стоит! Вот прошлой весной – да, болото было, но я ведь тебя никуда и не посылал, – сворачивая карту губернии, сказал фон Шпинне. – А нынче благодать, дороги как камень, вмиг домчишься!

Люди, родившиеся и всю свою жизнь прожившие в городе, – к их числу мы относим и начальника сыскной полиции фон Шпинне, – плохо осведомлены о качестве российских дорог. Нет, они бесспорно знают, что дороги наши скверные и никуда не годятся, но вот закрепить знания на соответствующей части тела не могут, потому что стали ездить поездами, а железная дорога, как утверждал классик, большое препятствие к изучению России. Кочкин же был знаком с нашими дорогами не понаслышке, потому что немало исколесил их в трясках подводах станowych надзирателей. И если для многих городских жителей выражение «Там, где кончается дорога!» говорило не иначе как о крае земли или об острове Сахалине, то для Кочкина эта фраза вообще была лишена какой бы то ни было дальности, потому что ему было доподлинно известно: дорога заканчивается за городской заставой.

Было чиновнику особых поручений известно и состояние полицейской дорожной брички, в которой предстояло отправиться в Костры. Поэтому, дабы избежать неприятностей в дороге, Кочкин зашел на конюшню и велел тамошнему работнику осмотреть коляску, а встретится какая поломка – починить. Для порядка Меркурий попугал его скорой расправой, если в дороге чего случится, и получил в ответ подобострастные заверения в полной благонадежности и полном понимании важности порученного дела.

Примерно через час Кочкин, одетый в дорожное платье, держа в руке небольшой саквояж, сел в коляску, запряженную парой беспокойных лошадей, которые храпели, весело перебирали ногами, точно прознали, что ехать придется в деревню Костры, и радовались этому. Кучер – дядька средних лет – радовался вместе с ними.

– А верст-то сколько, Меркурий Фролыч?

– Семнадцать, но считай, что все двадцать, – ответил Кочкин.

– Семнадцать верст – это тьфу, это мы зараз! Не успеете глазом моргнуть, как на месте очутимся.

– Ты бы, Прохор, прежде времени не хвалился, дорога незнакомая, или ты бывал в тех краях?

– Нет, врать не стану, не бывал.

– То-то!

Когда выехали за городскую заставу, солнце уже стояло в зените, пришлось остановиться и поднять верх, чтобы голову не напекло.

Дорога оказалась не самой скверной в империи, но тоже нет-нет да и потряхивало на колдобинах. Кучеру приходилось переводить лошадей на медленный тяговый шаг и осторожно, чтобы не случилось поломки, перекатывать через них коляску.

Кочкин вспомнил, как много лет назад, будучи по делам службы в одной из деревень, увидел на самом въезде огромный, на три четверти вросший в дорогу камень. Для того чтобы через него переехать, нужно было из бревнышек мостить скаты.

«А сколько телег об скалу окаянную изломалось, пальцев не хватит сосчитать!» – жаловались Кочкину мужики, когда на сельском сходе он поинтересовался этим камнем.

– Отчего вы его не уберете? – спросил Меркурий. Сейчас, умудренный жизненным опытом, он не стал бы задавать такого вопроса, но тогда, будучи молодым полицейским ярыгой, в жизни мало чего понимающим, задал и был встречен дружным мужицким хохотом. Это смутило его, щеки сделались красными, но он выстоял, а тут еще староста на подмогу пришел.

– Чего ржете, собачьи дети! – прикрикнул он на мужиков. Смех стих. После этого староста, сняв шапку, подошел к Кочкину и стал объяснять: – Камень, ваше благородие, убрать

недолго, но тогда на его месте будет яма. Если сейчас напополам с бедой еще как-то проехать можно, то через яму как проедешь? Яма – это гибель, а камень, выходит, спасение.

– А если яму засыпать?

Снова смех среди мужиков, правда, уже потише. Громко смеялись те, кто стоял в задах, передние просто пыркнули в бороды. Староста, оставаясь серьезным, лишь только шапку в жгут свернул. Ответил вопросом на вопрос:

– Для чего же ее засыпать, коли ее нету?

– Но ведь если камень убрать, то будет!

– А зачем камень убирать?

– Как зачем, он же мешается, сами говорите, телеги ломает!

– Телеги, ваша правда, ломает, но от ямы больше разору будет. Если со всего маху в нее заскочить, не токмо телегу, голову сломаешь! Яма, ваше благородие, это, как ни крути, а камня хуже.

– Согласен, хуже. Но я ведь не говорю, чтобы через яму ездить. Я говорю, в начале, перед тем как ехать, ее засыпать надо!

– Зачем же мы ее вначале делать будем, а потом засыпать? Это, ваше благородие, прощения просим, дурь какая-то. Взять хотя бы курицу, уж на што птица глупая, а ведь и она над нами смеяться станет...

– Станет, станет! – поддержал старосту кто-то из толпы, и раздался одобрительный гул.

– Иное дело, – продолжал староста, – ежели бы этот камень, скажем, срубить...

– Срубить? – переспросил Кочкин.

– Да, срубить вровень с землей. Это было бы замечательно, тогда ни камня, ни ямы.

Гул одобрения.

– Ну как же вы его срубите?

– Ну как срубим? Срубить, оно ведь дело-то нехитрое, это раз плюнуть. Вон у нас мужиков сколько, и все готовы!

– А чего же до сих пор не срубили?

– Так ведь зубилов у нас нету. А без зубилов как срубишь? Готовность есть, а зубилов нету. И тут, ежели в это дело всмотреться, просто зубилы не пойдут, тут зубилы особые нужны. А где их взять? Может быть, они где-то и есть. У немцев, скажем, они, может, и есть, а у нас их нету! А без зубилов никак.

– Нет, без зубилов никак! – поддержали старосту мужики.

– И как же тогда быть? – спросил старосту Кочкин.

– А очень просто, оставить надо все как есть. Да мы, если честно, уже привыкли. Он ведь тут со дня основания лежит, камень этот. А может быть, в нем сила какая-то, может быть – камень убери, и деревня пропадет! А может, это и не камень вовсе, а ось земная выглядывает, мы же того не знаем...

– Нет, его лучше не трогать, – донеслось из толпы. – Пуцай его лежит, мы вон лучше карпухинскую избу разберем и объезжать его станем. Камень – это сила!

Тогда Кочкин так и не понял, что же это было: дремучая тупость русского мужика или его изощренная хитрость. Понимание пришло к нему много позже, но так или иначе этот случай стал первым уроком, с которого и началось его полицейское образование.

Отвлекаясь от воспоминаний, Кочкин принялся осматривать пробегающие мимо виды. И по правую, и по левую сторону от дороги простирались до самого горизонта неудобья: песчаные, поросшие дикими рыже-зелеными травами холмы, а между ними лесистые овраги, глубокие и сырые, именуемые в тех местах балками. И ни деревеньки, ни хуторка, ни даже какой-нибудь, указывающей на присутствие человека, лачужки. Может быть, там, за холмами, вон и дымок белой ниточкой поднимается в небо...

Бричку вдруг трянуло сильнее обычного. Качнулось небо, холмы, дальний дымок, фордек сам собой сложился. Не ухватись чиновник особых поручений вовремя за кожи, то вывалился бы из накренившейся влево коляски. Лошади остановились. Кучер тяжело выругался, бросил поводья и прыгнул с козел.

– Что случилось? – сдавленным голосом, потому что ноги были выше головы, спросил Кочкин.

– Беда, Меркурий Фролыч! Тимошка, морда рваная, колесо, видать, зашплинтовать забыл, а я тоже дурак – недоглядел! И ведь чуял подвох, чуял, да на «как-нибудь» положился, – долгим стоном ответил кучер.

Кочкин, произведя сложный, почти что акробатический переворот, выбрался из коляски. Перекошенная бричка опиралась голой осью о каменистую дорогу. Левое заднее колесо, еще несколько минут назад крутящееся на этой оси, теперь, озорно подсакивая, катилось вниз по косогору.

– Сейчас в балку закатится, а тама ищи-свищи его, – провожая взглядом убегающее колесо, сказал кучер. – Ну, удружил Тимошка, гад! Вот возвернемся, всю рожу ему истолку, до Петрова дня глаз открыть не сможет!

Не будем утомлять читателя подробностями починки, скажем только, что заняла она не менее пяти часов. Да оно и понятно, пока колесо нашли, пока то, пока се, вот и время прошло. Солнце уже садилось, когда снова отправились в путь. Перед тем как хлестануть лошадей, кучер обернулся к Кочкину:

– Меркурий Фролыч, а вы леворвер с собой взяли, не забыли?

– А тебе что за забота?

– Дак ведь мало ли, в ночь ехать придется, а тут безлюдье какое...

– Боишься, стало быть?

– Нет, бояться не боюсь, а так – робею!

– Ну, не робей, Прохор, не робей! В случае чего отобьемся, мы же с тобой люди бывалые. Впервой, что ли?

– Так-то оно так, а с леворвером все одно спокойнее. Пальнул в небо, и уже отстратка, лихому человеку предостережение: не суйся, мол, не тебе ровня едет!

Не говоря ни слова, Кочкин вынул из-под сиденья саквояж, поставил на колени, расстегнул и достал оттуда длинноствольный блестящий револьвер. Прицелился в заходящее солнце и, подмигнув кучеру, спросил:

– Ну, теперь доволен?

– Как-то легче стало, – расплылся в улыбке кучер. – Леворвер у вас чудной, ишь сверкает как драгоценно! Видать, что не наш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.